

★ СЕРГЕЙ ★
SKOLORUSSOV

★ ★ WELCOME ★ ★
TO
HOLLYWOOD

HOLL

18+

Сергей Skolorussov

Welcome to Hollywood

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51337574

SelfPub; 2022

Аннотация

Четверо молодых американцев отправились в Голливуд. Каждый из них прихватил в дорогу свои побудительные причины, мечты и амбиции. Но когда до заветной цели остаётся два шага, как тут не обойтись без приключений. Все персонажи книги вымышлены, любое совпадение с реальными людьми случайно. Сюжет книги не может быть учебным пособием для повторения выдуманных автором ситуаций на практике. Исследователи «Chemical Engineering Group» установили, что в среднем каждый читатель этой книги похудел на 3,7 фунта. «Welcome to Hollywood» не является лекарственным средством. Распространяется без рецепта врача

Содержание

Часть первая	4
Из переписки с форума «Киноманы»:	4
Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	55
Глава 6	79
Часть вторая	98
Из переписки с форума «Киноманы»:	98
Глава 1	99
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Сергей Skolorussov

Welcome to Hollywood

Часть первая

Из переписки с форума «Киноманы»:

Ugly: Ты единственный мой друг.

Sfrend: Не сомневаюсь. На форуме два зарегистрированных пользователя. Догадайся с семи попыток, кто?

Ugly: Это роли не играет. Тебе и только тебе я могу доверить первую читку моего киноромана...

Ugly: Ты где? Ау...

Ugly: Куда провалился? Откликнись...

Ugly: Ты чем там занимаешься? А ещё назывался моим единственным другом...

Sfrend: Извини-извини. Я здесь.

Ugly: Уже три часа прошло, как я тебе отослала свой шедевр. Не нравится?

Sfrend: Так-так-так. Нравится. Очень! Удивляешь! Сама написала?

Ugly: Естес-но, сама. Я могу в месяц штук десять таких накатать. Даже больше. Это совсем не сложно. Самое труд-

ное – определить жанр написанного. Поможешь?

Sfrend: Непременно. Судя по первой странице, это полицейский детектив.

Глава 1

Ева Мария Фитцджеральд

Следователь вошёл в комнату для допросов и плюхнулся в кресло. Он смотрел на меня в упор, слегка обозначив кривую ухмылку. Начинается. Как это бывает в фильмах, сейчас посыплются предложения взять на себя все висяки местной полиции за последние пятнадцать лет. Взамен мне будет обещан минимальный срок. Это называется досудебным соглашением. Очень удобная лазейка в американской юриспруденции, максимально облегчающая жизнь следователей, адвокатов и судей. Но предложений не последовало. Он почесал подбородок и обратился ко мне неожиданно красивым мягким тенором:

– А теперь, Ева Мария, расскажи, как ты попала в Голливуд. С какой целью и что ты там делала?

Я ничего не поняла. Правда, правда. Поэтому переспросила:

– В какой Голливуд?

– Три дня ты играла в молчанку, а теперь дуру из себя строишь?

– Почему вы со мной так разговариваете?

– Как ещё с тобой разговаривать?

– Вы сексист?

– С чего ты взяла?

– Орёте на меня, тыкаете, обзываете.

Коп вскочил, нервно дёрнулся, укусил себя за нижнюю губу и снова плюхнулся в кресло.

– Она ещё меня обвиняет, – это было сказано куда-то в пространство. – Тут любой записхует! Четвёртый день с ней вожусь, хотя у меня других дел по горло. Ты будешь говорить?

– Разве я не говорю? Вы не слышите, что я с вами разговариваю? Вы глухой сексист?

Глаза следователя налились кровью. Впрочем, не только глаза, морда тоже побагровела от бешенства. Он привстал в кресле, поставил руки на стол, вытянулся насколько мог в мою сторону и прошипел:

– Ты мне расскажешь! Ты всё мне расскажешь.

Я тоже приподнялась в кресле, поставила руки на стол, вытянулась в его сторону и неожиданно для него лилейно пропела:

– Я девочка. Вы обижаете меня своим обращением. Я буду жаловаться. Вас покажут по телевизору, как злостного сексиста.

Он целую минуту смотрел мне прямо в глаза. Не моргая и не отводя взгляд. Я тоже. Затем он устал от игры в гляделки и плюхнулся на место.

– Хорошо, Ева Мария. Если я буду обращаться к тебе уважительно, ты мне скажешь, как ты оказалась в Голливуде?

– Скажу. Почему, нет? Но я не пойму, о каком «Голливу-

де» вы всё время талдычите?

Он молча шмыгнул носом, потом набрал через него полные лёгкие воздуха и с шумом выпустил его через рот.

– Так, Доминик, спокойно. Ещё спокойней, – погладив голову, он закончил аутотренинг и снова обратился ко мне: – Тебя пятого дня сняли с крыши трёхэтажного здания кинокомпании «Уолт Дисней». Это не меня сняли. Это тебя сняли! Поэтому, не ты меня спрашиваешь, а я тебя спрашиваю: как ты оказалась на территории киностудии? – он всё время форсировал голос, повышая децибелы и высоту его звучания. – Что ты там делала?

Я выдержала паузу, пожала плечами, откинулась в кресле и спокойно произнесла:

– Я, правда, не понимаю, о чём вы меня спрашиваете.

– Ы-ы-ы!!! Тебя служба спасения сняла с крыши здания – это ты помнишь?

– Нет.

– Как такое может быть? Психиатры сказали, что ты здорова. Эксперты установили, что у тебя в крови не было ни капли наркотиков или алкоголя. Не инопланетяне же тебя там высадили?

– Не знаю.

– Кто знает, кто?

– Может, инопланетяне, я не помню.

– Тогда что ты помнишь?

– Всё. Спрашивайте!

– Ы-ы-ы!!!

Он, этот противный пожилой полицейский с тоненькими усиками под красным здоровенным носом и с холодным взглядом серых глаз, вскочил, схватил папку, хлопнул ею по столу, сел, снова вскочил, схватил папку и выбежал из комнаты.

Не прошло и пяти минут, как в команде копов произошла замена: на поле появился более молодой, более симпатичный и более человечный игрок в «вопросы-ответы». Он чем-то походил на итальянца – возможно, кудрявой головой или модным костюмом от Dolce & Gabbana. Новичок спокойно сел, посмотрел на меня и улыбнулся:

– Никогда не видел Доминика в таком бешенстве. Надо обладать особым даром, чтобы довести его до такого состояния.

Всё понятно: старая игра в доброго и злого полицейского.

– Ты, на самом деле, не помнишь, как оказалась на крыше киностудии?

– Да.

Это была суцкая правда. Вернее, не так. Я помнила. Помнила всё. Такое не забывается. Такое нельзя забыть. Мне с этим придётся жить до конца своих дней. Просто я не знала, что Джонатан высадил меня на крышу киностудии. Откуда я могла знать, что это студия Уолта Диснея? Сверху все крыши одинаковы. На них нет указателей.

– Но хоть что-то ты помнишь?

– Что-то? Что-то помню.

Меня напрягало одно обстоятельство, которое не позволяло мне болтать лишнего. Я никогда не слышала, чтобы чудаков, залезших на чужую крышу, допрашивали с таким пристрастием и так обстоятельно. Если они работают на Муленбергов, то мне лучше умолчать о многом. Я, конечно, после всего, что с нами произошло, готова поставить на кон многое, но расставаться с жизнью мне пока рановато. С другой стороны, если эти копы не связаны порукой с делами этих ублюдков, следовало бы их послать в тот отель, в подвалах которого мы провели столь жуткое время. Но торопиться всё равно не стоит. Можно и потерпеть. Если я расскажу им всю историю, и при этом мои опасения окажутся реальными, тогда исполнится худший сценарий – я навлеку беду не только на себя, но и на своих друзей. Вернее, на друга. Судя по всему, он у меня остался в единственном числе. И то, не уверена. Терпи, Ева, терпи! Ты умеешь терпеть. Или рискнуть? Чёрт с вами! Нельзя, чтобы это чудовищное изобретение попало в руки какого-нибудь очередного маньяка. Надо прервать эту череду злодеяний, ведущих мир к катастрофе. Пусть даже ставя под угрозу свою жизнь. Мысли мелькали в голове, как в калейдоскопе, моментально выворачивая наизнанку любые расклады. Эх, я ещё так молода! Может, и не стоит рисковать. Даже наоборот – надо быть осторожной. Будь осторожна, Ева! Будь осторожна! Вообще-то, чтобы решиться на риск, неплохо было бы выудить какую-ни-

будь фундаментальную информацию – что им известно и чего они хотят. Чтобы не позволять языку болтнуть лишнего, я решила плести паутину неизвестности, которая, глядишь, да и поймает в свои сети нужную мне инфу. Если не информацию, то хотя бы намёки, эмоции, говорящие о сути этого вопроса. Правильное решение, Ева, совершенно правильное! Сделав мордашку кирпичом, я спросила:

– Вот вы меня заваливаете странными, непонятными вопросами. Но в чём меня конкретно обвиняют? Я гражданка США и требую к себе уважительного отношения, основанного на главенстве закона и презумпции невиновности.

Коп только улыбнулся в ответ. Он выдержал паузу, а затем парировал:

– Никто тебя ни в чём не обвиняет. Просто мы должны выяснить все обстоятельства этого дела.

– Какого дела?

– Дела о том, как ты попала на крышу киностудии.

– Если реальных обвинений нет, тогда на основании чего меня держат в камере? Отпустите меня. В домашней обстановке мне будет легче вспомнить обстоятельства того, каким образом я попала на эту проклятую крышу, про которую вы мне все уши прожужжали.

– Мы этого не можем сделать.

– Чего не можете сделать?

– Отпустить тебя.

– Почему? Значит, вы удерживаете меня незаконно. Я тре-

бую адвоката.

Итальянец помолчал, весёлый блеск в его глазах слегка потух, но он всё же немного раскрыл карты:

– Мы не можем тебя отпустить по одной простой причине. Здесь замешано ФБР. Оно готово забрать тебя к себе. Ты хочешь этого?

Хочу ли я этого? Он думает, что не хочу. И пытается запугать меня этим. Напрасно. Я этого хочу. Очень хочу. На мой взгляд, у меня будет гораздо больше шансов остаться в живых, если меня заберут из лосанджелесской полиции в ФБР. Возможно, Муленберги не успели пустить свои щупальца в федеральную службу так далеко, как в местную полицию. Но я ничем не показала, что такой вариант развития событий меня вполне устраивает. Надо оставлять их в неведении до тех пор, пока они не согласятся передать меня в ФБР. Эта мысль показалась вполне резонной. Пусть он и дальше думает, что напротив него сидит дурочка, которую запросто можно запугать, запутать и взять в оборот.

– С чего это моей скромной персоной заинтересовалось ФБР?

Кудрявый модник ещё сильнее сдулся, пытаясь умно вывернуться из щекотливого положения, в которое его поставил мой вопрос. Мужик, конечно, интересный, симпатичный, вполне доброжелательный, но он что-то знает. А может даже замешан во всём этом кошмаре. Значит, точно, я ему ничего не скажу. Вот это правильно, Ева! Совершенно пра-

вильно!

Коп помолчал, что-то прикидывая в уме, и выдал порцию нужной мне информации:

– Одновременно с твоей высадкой на крыше, произошла целая цепь важных событий. Настолько важных, что ими заинтересовались на федеральном уровне.

Угу. Это уже хоть что-то. Так, что дальше? Молчи, Ева, молчи! Чем меньше ты сболтнёшь, тем дольше проживёшь. Попробую действовать от обороны, предоставив право хода сопернику. Пусть он болтает, а я буду слушать и анализировать.

Пару минут он молча изучал моё искреннее, доверчивое, почти детское лицо. В конце концов не выдержал:

– Та-ак! Ты будешь рассказывать?

Не на ту напал!

– Да или нет?

– Нет. Я не знаю, что рассказывать.

– Почему? Не могу понять, почему ты так упорно отказываешься сотрудничать? Это же в твоих интересах.

Калейдоскоп в голове вновь поменял узор и я, как дура, соблазнилась пойти ва-банк:

– Может, вы потому так плохо соображаете, что у вас пилюля в голове?

Жаль, но моя карта оказалась не козырной. Он не раскрылся и не выдал своих тузов в рукаве.

– Какая «пилюля»?

Я так и не поняла: его удивление было деланным или искренним. Видимо, зря ты, Ева, ляпнула про пилюлю.

– Пилюля? Ой, я, конечно, имела в виду пулю.

– «Пулю»?

– Естественно, пулю. Есть такое образное выражение.

– Никогда о нём не слышал.

– Это молодёжный сленг. Если чел не втыкает, то говорят: «У тебя пуля в башке?»

– Хорошо. У меня в голове чисто. Но ты расскажи нам хоть что-нибудь.

Поздно. Раковина закрылась. Теперь вам её не открыть.

– Я ничего не буду рассказывать без моего адвоката.

– У тебя есть свой адвокат? – неподдельно удивился коп.

– Нет. Но без него я не скажу ни слова. Согласно пятой поправки Конституции, арестованный имеет право хранить молчание, всё, что он скажет, может и будет использовано против него в суде. Адвокат, если подследственный на этом настаивает, должен присутствовать при допросе. Если обвиняемый не в состоянии оплатить услуги адвоката, его ему предоставит государство. Я правильно понимаю свои права?

– Более чем, – усмехнулся следователь. – Ева, ты поражаешь меня знаниями различных правовых нюансов. Учишься на юриста?

Ой, удивился. Чему тут удивляться? Эта фраза звучит в каждом втором голливудском фильме. Порой даже по несколько раз. Кто-то из девчонок моего возраста фанатеет

от музыки. Другие до умопомрачения подсели на модный шопинг. А я обыкновенный киноман. Вернее, не «обыкновенный», а совершенно сдвинутый на этом по фазе. Сколько себя помню, у меня никогда не было ни друзей, ни врагов. Мне никогда не хотелось играть на улице вместе с другими детьми. Всю жизнь я непрерывно смотрю фильмы. Это сумасшествие не зависит от меня. Так повелось с самого рождения. Мама рассказывала: если я плакала, достаточно было включить кассету с фильмом про любовь. Это меня тут же успокаивало. В дальнейшем моя зависимость от прослушивания и просмотра романтических фильмов только непрерывно возрастала. Поэтому к десяти годам я несколько перебрала с просмотром любовных историй и переключилась на остальные жанры. Родители неоднократно предпринимали попытки вылечить меня от киномании. Водили к психологам, гипнотизёрам и колдунам, старались увлечь меня чем-то другим. Но всё бесполезно. Как только на мои глаза попадался телевизор, компьютер или айфон, я тут же, словно мышшь в пасть удава, ползла на киносеанс. Фильмы рождали в душе мечты, что однажды в моей жизни встретится обалденно красивый, очумело богатый, прекрасно образованный и необыкновенно галантный принц на белом коне. Он увезёт меня в сказочную страну, которая непременно существует не только по ту сторону экрана. Но принцы не появлялись ни в кинотеатре, ни в школе, ни у нас дома. Больше мне их встретить было негде. По эту же сторону экрана всё выгляде-

ло совсем уныло и обыденно. Предки непрерывно грызлись между собой. Они готовы были удавиться из-за каждого доллара, пытаясь победить банковского спрута, плотно взявшего их за горло своими кредитными щупальцами. Родители очень обрадовались, когда я заявила, что после окончания школы не буду учиться дальше, а пойду работать. Не уверена, что они выдержали бы ещё одну долговую нагрузку. Обучение в университете стоит просто бешеных денег. Да и куда мне идти? В школе я входила в число самых отстающих. Нет не потому, что мои мозги хуже, чем у других. Просто некогда было учиться. Кино я смотрела прямо посреди уроков и вместо домашнего задания. Борьба учителей с моим увлечением постоянно разбивалась о стремительное развитие электронной промышленности. Они забирали у меня планшет, я вытаскивала из потаённого места айфон. Реквизировали айфон – в моих руках появлялся смартфон или айпод. Я никогда не считала, что поступаю неправильно. Моим учителем стал Голливуд. Единственным и самым авторитетным. Зачем учить законы физики, если фильмы наглядно показывают, что вывалившегося из самолёта человека легко догонит его друг с парашютом. Во время взрыва ядерной бомбы лучше всего спрятаться под водой. Пуля никогда не пробивает перевернутый обеденный стол, а взрывная волна является аттракционом бесплатного путешествия по воздуху. Я твёрдо усвоила, что самые крутые врачи – это микробиологи, которые непрерывно спасают мир от страшных эпидемий, в том

числе от распространения зомби. А всё остальное способны вылечить психологи. Они с успехом исцеляют даже бессловесных животных. Я давно усвоила, что киллеры обычно бывают ранимыми людьми, с тонкой душевной организацией, а деньгами лучше всего разжиться, ограбив банк. Я знаю всех актёров вплоть до статистов. Прекрасно разбираюсь в истории кино и в его жанрах. Перед вами великий эксперт Голливуда. Не сомневаюсь, что из меня получился бы прекрасный режиссёр, продюсер или, на худой конец, сценарист. Актриса? Нет. Только не это. Моя самооценка собственных актёрских данных немногим выше нуля. А своим суждениям о киноискусстве я доверяю, так как, поверьте уж, разбираюсь в этом досконально. Поэтому я никогда не лелеяла надежду стать артисткой. К другим же мечтам, связанным с миром кино, я относилась спокойно, без лишних соплей и фантазий. Вот скажите, как простой девчонке из Сан-Хосе попасть в Голливуд? Как??? Да ни как! Ладно, считайте, что моя самокритика проехала по моим киногрёзам междугородним автобусом. Но романтическая мечта встретить принца от этого не испарилась. Мне уже почти двадцать лет, а я до сих пор даже ни разу не целовалась. Кошмар, Ева, кошмар! Но когда-то ведь надо начинать. И я решилась. Героинями романтических фильмов обычно являются либо бизнес-леди, либо работницы шоу-бизнеса. В крайнем случае – писательницы. Сами понимаете, что здесь я проигрываю в конкуренции, так как не имею таких тузов в своей колоде лири-

ческих раскладов. Поэтому ничего не оставалось, как взяться за роль «дурнушки». Основательно взяться... Стоп, Ева! Стоп! Может, и не надо было «браться за роль» дурнушечки! Может, ты она и есть? Может, в этом причина отсутствия принцев? Нет, конечно, нет. Являясь по сути своей скептически настроенной натурой, на окружающий мир я привыкла смотреть реальным взглядом. Это относится и к моему отражению в зеркале. Я открываю глаза и вижу то, что вижу. А глаза у меня, кстати, такие же большие, как у Пенелопы Круз, чуть припухшие губы, как у Энн Хэтэуэй, аккуратненький носик очень похож на нос Эмми Россум, брови вычерчены точь-в-точь, как у Киры Найтли, а грудь, как у Памелы Андерсон. Насчёт последнего шучу. Грудь у меня среднестатистическая: не большая, но и не маленькая. Нормальная грудь – то, что надо. А всё остальное, про губы и прочее – истина. Но особенно, что мне самой в себе нравится – это фигура. Спасибо родителям. Они очень постарались. За фигуру не стыдно. Совсем не стыдно. Но вернёмся к образу дурнушки. Дурнушки, как известно, в фильмах всегда выглядят одинаково: дурацкие очки, ещё более нелепая шляпка, мешковатая одежда и отсутствие макияжа. И, о господи! Когда она прёт огромный ворох очень важных бумаг по коридору учреждения, на неё непременно неожиданно налетает принц. Это всегда так. Практически, закон физики. Документы листопадом стелются по полу, а дурнушка и принц бросаются их собирать и обязательно при этом сталкиваются лбами. Искры,

летающие из глаз, заставляют героев взглянуть друг на друга предельно пристально. Из этих искр воспламеняется пожар любви. Они закрывают глаза и сливаются в страстном поцелуе. И далее следует очумительный хеппи-энд. Примерно так я представляла свою судьбу, когда пришла в образе киношной дурнушки устраиваться на работу. Целый год я шлялась по коридорам с кипой никому не нужных бумаг, практически специально то и дело провоцируя столкновения. Но, то ли принцы не попадались, то ли мой таран был просто опасен для окружающих. Все истерично скачками отпрыгивали в стороны или размазывались по стенке. В конце концов терпение руководства лопнуло и меня уволили. Я достала заранее заготовленную огромную коробку, точно такую же, как в кино, с которыми уходят все уволенные героини Голливуда. Одинокó положила на дно ноутбук – работа не была помехой моему киноманству, и пошла на выход. Других вещей созданная мной «дурнушка» на работе не имела. До сих пор не понимаю, что кладут в эту коробку героини фильмов? Чем они на работе занимались? Вязали? Сооружали макет Статуи Свободы? Играли в любимую «железную дорогу»? Что за личные предметы заполняли их рабочий стол в таком количестве? Шахматы? Дартс? Книги? Не знаю. Я особо не размышляла над этим. Но моим ожиданиям романтической встречи с принцем суждено было сбыться. По крайней мере – частично. Магия кино взмахнула палочкой, и... Свершилось волшебство! Он налетел на меня прямо у входных

дверей конторы. Не просто налетел – сшиб. Ноутбук загремел по каменному полу, мигая на прощание лампочками и издавая предсмертный заклинивший гудок: ы-ы-ы-ы. Сама я шлёпнулась прямо на колени. Было очень обидно и больно. Привычные для фильмов ругательства едва не сорвались с моих губ. Едва-едва! Но в это время я вспомнила о принце и посмотрела в лицо того, кто совершил на меня опасный наезд без разрешительного сигнала светофора. Нет, это был не принц. Наезд совершил Уилл, мой одноклассник. Он никогда не страдал киноманством, поэтому воспринимался мной совершенно безлико и равнодушно. Какими-либо достоинствами принца он тоже не обладал. К тому же Уилл был полностью больным на голову геймером. Естественно, геймер и киноманка априори не могут быть друзьями, поэтому я никогда не обращала на него никакого внимания. На него вообще никто никогда не обращал никакого внимания. Худущий, кудрявый, прыщавый. Да ещё в очках с толстенными линзами. Скажите, вы обратили бы на такого «принца» хоть чуточку своего внимания? Можете не отвечать. Если бы не это столкновение я бы через пару лет даже не вспомнила, что училась с ним в одном классе. Но волею судьбы мы встретились. Встретились лбами. Не знаю, что уж там возгорелось в наших сердцах от искр этого столкновения, но с тех пор общаться мы стали довольно часто. Практически ежедневно. Из-за этого я даже стала смотреть на два фильма меньше, чем обычно. Уилл тоже научился отрываться от любимого

монитора не только по жизненным потребностям и функциональным потребностям, а просто для того, чтобы прийти ко мне в гости и потрепаться на разные темы.

В тот памятный день, когда я от нечего делать просматривала уже одиннадцатый фильм подряд, Уилл заявился ко мне с флешкой. На ней был ромком – романтическая комедия про школьников выпускного класса.

– Стэн сказал, что это ржачная киношка.

– Кто такой Стэн?

– Это мой двоюродный брат. Он на год старше меня.

– Сейчас узнаем, что собой представляет внутренний мир твоего кузена.

– Как?

– Уже по первым кадрам я скажу какого уровня юмор этого фильма. До пояса – или ещё ниже.

Мы залезли с ногами на диван и приступили к просмотру. В прологе симпатичный парень и столь же неотразимая девушка целовались на заднем сидении шикарного автомобиля.

– Уилл, почему они так громко причмокивают во время поцелуев?

– Не знаю. В кино всегда так целуются. Впрочем, эту фразу должна была сказать ты.

– Почему я?

– Ты же у нас эксперт по Голливуду.

– Да, эксперт. Но как эксперт я только могу подтвердить,

что экранные героини всегда так чавкают. Но в самом процессе поцелуёчков, приходится признать, я профан. До сих пор ни с кем не целовалась.

– Может, попробуем? – неуверенно предложил парень.

Я бы с радостью. Но не с Уиллом. Как друг, он меня очень даже устраивал. Но его многочисленные угри как-то не побуждали меня к близости поцелуя.

– Уилл, ответь мне на один вопрос. Только честно. Ты не голубой?

Он не особо на это среагировал. Только переспросил:

– Почему ты спрашиваешь?

– Лучшие и самые верные друзья девушек – гомосексуалисты.

– С чего ты взяла?

– В кино всегда так. Они такие душки. Практически, как ты.

– Хм, за «душку» и «друга» спасибо. Интересно, но лучшие друзья парней – это их матери. Может, поэтому так много «душек» развелось в наше время?

– О! Ты цитируешь? Класс! Это же «Психо» Хичкока. Если не ошибаюсь – фильм 1960 года. Но ты не ответил.

– Откуда я знаю? Может, и голубой. У меня ещё никого не было. Но я думаю, что я лесбиян.

– В каком смысле?

– Девушки мне нравятся – а парни практически все придурки.

– Я тебе нравлюсь?

– Пока не знаю. Мне Ёко Литтнер всегда нравилась. Ты на неё не очень похожа.

– Ты зависал на аниме?

– Наверно, как все. Многим парням в наше время нравятся японки.

– Ладно. Спасибо за честность. Я согласна.

– Согласна?

– Тупица. Иди сюда. Поцелуемся.

Он снял очки и неуверенно повалил меня на диван, после чего стал громко и страстно целовать в губы, явно подражая экранному герою. Мне стало противно.

– Фу! Нет, мне это не нравится. Неужели в настоящей жизни актёры тоже так целуются? Словно два придурка сосут один и тот же леденец.

Уилл сел на своё место, деланно зевнул и взлохматил свою причёску.

– И какие твои прогнозы по фильму? Стэн сказал, что «Красавец и простушка» – это самый продвинутый ромком этого года. Потешная комедия. Оригинальный сценарий.

– Оригинальный? Ты прикалываешься? В выпускном классе появляется новенькая. Местная тусня смеётся над её прикидом и скромностью. Два парня поспорили, что один из них переспит с «гадким утёнком» уже через три дня. Ты правда называешь это оригинальным ходом?

– По-моему, вполне.

– Потом предки главного героя уезжают, и он организует в огромном семейном доме грандиозную вечеринку, где все гуляют с бокалами вина или бутылками пива вокруг бассейна. В спальне родителей сильно озабоченная парочка мнёт постельное бельё. На унитазе спит упившийся толстяк. А группка приближённых тусовщиков дымит на кухне родительской марихуаной. Затем бывшая нашего героя рассказывает дурнушке о пари. Всё рушится, секс обламывается. Возвращаются родители, у которых вываливаются глаза при виде разгромленного родового гнезда. Но главный герой уже ни на что не обращает внимание. Он влюбился и делает всё, чтобы героиня простила его и пошла с ним на выпускной бал. Такой сценарий у твоего оригинального ромкома?

– Как ты догадалась? А ты Ева Мария не такая уж и простая.

– А ты сложный, как сценарий молодёжной комедии.

– Это не такой уж плохой фильм.

В это время с экрана слышится фраза: «Извини детка, мне надо отлить».

– Совсем не «плохой», – ухмыльнулась я. – Видимо, на этом месте в кинозале должен разразиться гомерический хохот. Не сомневаюсь, что здесь много подобных «смешных» моментов. Предположу, что парни подбросят в школьную кабинку новенькой ученицы какую-нибудь крысу. Главный герой в момент разоблачения получит от неё торгом в морду. В общем – совершенно оригинальный сценарий. Навер-

няка, сюжет этой ржачной комедии будет долго обсасывать многочисленные подлянки, которые устраивают для главной героини признанные красавицы. Да, чуть не забыла, обязательно в течение фильма кто-то выпустит газы, наступит в собачье дерьмо или будет помечен голубем.

Уилл, будучи по природе убийственно спокойным парнем, только тихонько покачал головой.

– Ты очень злая! Мне кажется, что все молодёжные комедии такие. Разве нет?

– Конечно, нет! Если ты будешь и дальше со мной дружить, я познакомлю тебя с совершенно другим кино.

– Я поражаюсь твоим знаниям. Ты никогда не задумывалась связать свою судьбу с «Фабрикой грёз»?

– Да если бы и задумывалась! Для этого нужны стартовые условия. Хотя бы деньги на поездку в Лос-Анджелес.

Вот тогда я впервые увидела, что угрюмый Уилл может проявлять активные эмоции. Он вскочил на ноги и потряс ладонями перед моей ничего не понимающей физиономией:

– Ну, конечно, же! Какой я тупица! Послезавтра мы едем в Голливуд! Ты увидишь, что у тебя есть настоящий друг! Я всё устрою!

Глава 2

Стэн Булк

Мой кузен Уилл Маркс типичный геймер. Его лицо много лет не знало солнца, поэтому имеет цвет бледной спирохеты. Правда, я, слава богу, никогда не видел эту гадость, но думаю, что она именно такого цвета. Всех геймеров я классифицирую по одному признаку: толстые и худые. В остальном они совершенно одинаковы. Несмотря на то, что комната Уилла всегда завалена коробками из-под пиццы, обёртками твинки, огрызками сэндвичей и хот-догов, а также огромными бутылками с недопитой колой и маленькими баночками разных там энергетиков, он худой, как дрищ. Когда Маркс без футболки, на нём хорошо показывать устройство человеческого скелета. Как можно себя до такого довести? Вместо бицепсов и трицепсов на его руках только кожа, плотно обтягивающая плечевую кость. Хотя, слова «плечо» и «рука» никоим образом не подходят к этим тонким палочкам, на конце которых расположены худые длинные пальцы, стучащие по клавиатуре в ритме, не фиксируемом глазом. Только в замедленном режиме просмотра можно увидеть, что пальчики Уилла и на самом деле нажимают на кнопки «клавы». Мне было бы стыдно иметь такое тело. С раннего детства я ходил с отцом в тренажёрный зал. Собственно, у меня дома станков для накачки мышц не меньше, чем там. Поэтому сейчас я хо-

жу в общий зал только для того, чтобы пообщаться с другими атлетами. Если честно, приятно продемонстрировать красоту своего тела другим. Мне есть, чем похвастаться. Конечно, до культуристов профессионального уровня моему телу далеко, но когда я появляюсь на пляже, то чувствую массовое восхищение девчонок и завистливые взгляды их дохлых парней. Если бы я принимал анаболики, то наверняка мог бы стать чемпионом бодибилдинга. Но, как мы решили с отцом ещё в моём детстве – мне этого не надо. Я хочу покорять девушек не только впечатляющей красотой моей стати, но и другими мужскими достоинствами, которыми профессиональные культуристы не могут похвастаться по известной всем причине. Анаболики или секс? Вот в чём вопрос. Я выбираю последнее. После окончания школы я нигде не работал и не учился, но всё это время пытался достойно пристроить своё тело либо в мире шоу-бизнеса, либо в системе фитнес-индустрии. Не получилось. Все мои письма и рассылки портфолио остались без ответа. Тогда моя пухленькая бейба и предложила съездить в Голливуд. Лиз была уверена, что, если я покажу своё тело любому голливудскому режиссёру, меня непременно снимут в главной роли какого-нибудь крутого экшена. Поэтому, что я сделал в первую очередь? Правильно, пошёл и купил себе кучу новых футболок с принтом любимых качков на груди. Например, с изображением Ронни Коулмэна. Но особо мне понравилась майка на тонких лямках «Капитан Америка». Она красиво не скрывала

все мои грудные мышцы. Во вторую очередь пришлось реанимировать гниющий в гараже отцовский Шевроле Сабарбен 1995 года выпуска. Этот «автосарай» был впечатляющих размеров. Грузоподъёмность почти три тонны, привод на все колёса, объём двигателя 7400 кубиков. Оказалось, что мне, как и отцу, нравятся исключительно здоровые джипяры. За его рулём я чувствовал себя богом дорог. Хотя, жрал Сабарбен, как стадо слонов. Поэтому, когда позвонил Уилл и попросился с нами в поездку, я сразу согласился, с условием, что он оплатит половину затрат на горючее. Денег у меня было в обрез и непредвиденные обстоятельства в пути могли поставить крест на наших с толстущечкой планах. Скажу ещё, что звонок Уилла удивил меня, как минимум, два раза. Первый – когда я узнал, что он готов удалиться от монитора более, чем на пять ярдов. Мне даже представилось, что в дороге его будет непрерывно корёжить, как наркомана без очередной дозы. Второй – когда узнал, что наша «глиста в корсете» умудрилась где-то подцепить девушку. Стало даже интересно – как выглядит та дура, которая положила глаз на кучку костей, с единственно развитыми в организме мышцами пальцев рук. Элиз была категорически против присутствия посторонних в нашей с ней поездке. Но я смог её убедить, сказав, что мы поймеем целую кучу бабла, когда разместим в интернете ролик, в котором Уилл корчитя в ломке геймера, оторванного от любимого компа.

Глава 3

Элайза Гудвин

Со Стэном мы уже полгода. Никогда не думала, что буду встречаться с белым парнем. Все мои родственники ярые борцы с расизмом. Поэтому белых они просто ненавидят, а заодно: китайцев с евреями. Естественно, что и мать с отцом, и бабушка с бабушкой, и тётки с дядями, и мои многочисленные братья с сёстрами – все встретили мои отношения с белым парнем буквально в штыки. Они накидывались на меня с пеной у рта, обвиняя Стэна Булка во всех невзгодах как нашей семьи, так и всего чернокожего населения Америки. Они орали, что это белые, и в том числе персонально Стэн, травят нас специально придуманным для чёрных фаст-фудом и неправильными сладостями. Именно поэтому в нашей семье все толстые. В конце концов, я плюнула и переехала жить к своему «отравителю» в съёмную квартирку на 21-ой южной улице, которая упирается в Рузвельт Парк. За всё платим пополам. Познакомились мы довольно обыденно. Стэн ходил обедать в кафе, где я работала официанткой. Там он и положил на меня глаз. Почти полгода я давала ему от ворот поворот, держа неприступную осаду. И всё-таки капитулировала. А кто бы не капитулировал, когда в тебя влюбился такой красавчик? Сдалась – и пока ни разу не пожалела. Кроме секса со Стэном в этой жизни я люблю только три ве-

щи: твинки с банановой начинкой, миллион долларов и арахисовую пасту. Миллиона у меня пока нет, и я его никогда не держала в своих руках. Но вид пачек стодолларовых купюр меня почему-то всегда возбуждает. От арахисовой пасты и батончиков «Твинки» я получаю чувственное удовольствие. Не знаю, как это объяснить словами, но секс со Стэном это сразу всё – и вид пачек денег, и коробка «Твинки» с банкой арахисовой пасты в придачу. Он просто красавчик и хорош в постели. Единственное, что его портит – цвет кожи. Но я постепенно к этому привыкла. Когда мы идём по улице, на нас все обращают внимание. Мы идеальная пара. Я, конечно, имею вес, далёкий от идеала. Но моему парню это даже нравится. Он говорит: «Именно в такую красотку я влюбился». Стэн зовёт меня «моя пампушечка», хотя мне больше нравится «детка». Но я на это совсем не обижаюсь. Почему? Я не такая, как все. Я родилась с одним зубом во рту. Представляете? И бабушка сразу сказала: «Этой девочке уготовано великое будущее!» Именно поэтому я живу по собственной лекале счастья, не обращая внимания на косые взгляды и пересуды. Всю жизнь я эпатирую окружающую публику. Все вокруг умирают от желания похудеть, не выпуская при этом изо рта кусок фаст-фуда. А мне плевать на лишний вес. Хотя от фаст-фуда я тоже не могу отказаться. Он непобедим! Все девчонки любят плохих парней – а я белого. Что-то не то сказала? Да нет, то! Может, у меня и путаются мысли в голове, но на основании всего вышесказанного любой чело-

век, даже несчастный белый, придёт к одному единственному выводу – моя бабушка абсолютно права! Не сомневаюсь в этом. Я не бегаю по утрам, не люблю кофе и диетическую колу, не боюсь употреблять продукты с лактозой, меня раздражают дежурные улыбки, а по дому хожу босиком. Последнее убивает наповал буквально всех. Вдобавок, я умная. Мама даже говорит, что слишком умная, так как всегда всё подмечаю и анализирую. К примеру, как-то заметила – у парней есть интересная манера всегда преднамеренно громко болтать в обществе незнакомых им людей. Раньше мне казалось, что это только наши парни с тёмным цветом кожи так голосят. Но нет, оказалось, что и Стэн всегда говорит так громко, что все на него обращают внимание. Затем я поняла, что таким образом они специально провоцируют публику, чтобы презентовать себя. Кто-то пытается подчеркнуть этим свою независимость, кто-то шокировать своим внешним видом, а мой красавчик явно хочет продемонстрировать свою божественную фигуру. Поняв его внутренние потребности, я уговорила Стэна поехать в Голливуд и сняться там в массовке. С нами увязался его дохлый кузен со своей странной подружкой. Если я со Стэном – идеальная пара, образец для подражания, то этот очкастый геймер со своей ходячей энциклопедией голливудской продукции – просто пародия. Если бы бог знал заранее, что от Адама и Евы когда-нибудь появятся такие потомки, он не стал бы создавать человека. Мне совсем непонятно, что их свело вместе. Но Стэн захотел взять

их в путешествие, и мне пришлось некоторое время терпеть рядом с собой это недоразумение человеческой эволюции.

Мы выехали из Сан-Хосе ближе к обеду и в дороге часто останавливались, чтобы наполнить баки и животы необходимым горючим. До Лос-Анджелеса добрались поздним вечером, можно даже сказать ночью. В районе Чайна-тауна у нас был забронирован номер на четырёх человек с двумя спальнями и общим санузелом. Здесь и начались наши головокружительные приключения. Во-первых, Стэн, совершенно выдохшийся от долгого и непривычного управления автомобилем, свернул не на ту улицу. Парочка нелепых, карикатурных попутчиков мирно посапывала в четыре дырочки на заднем сидении. Их разбудил возмущённый выкрик водителя:

– Что за придурки! Чего они мигают дальним светом? Дебилы!

Я обратила на это внимание сразу же, как мы свернули с основной трассы:

– Ты правильно повернул? Мне казалось, что на этой гигантской развязке нам надо направо, а ты поехал налево.

– Какая разница? Я смотрел карту. Там хоть вправо, хоть влево – всё равно можно попасть на Север-Хилл-стрит.

– У тебя что, нет маршрутизатора? – вмешался в наш разговор проснувшийся кузен.

– Машина старше меня. Откуда в ней это?

– Сказал бы сразу. Сейчас запущу на айфоне.

Голос айфонного маршрутизатора произнёс:

– Введите адрес.

– Какой адрес? – поинтересовался геймер.

– Север-Хилл-Стрит, 39.

– Маршрут проложен. Поехали?

– Поехали! – подтвердил Уилл.

– Через 100 ярдов развернитесь.

– Чего? – не понял водитель.

Его очкастый брат завертел головой, пытаясь определить, где мы едем.

– Маршрутизатор почему-то не показывает карту. Странно.

И тут до меня дошло:

– Дорогой, мне кажется, что мы едем по улице с односторонним движением.

– Точно! Теперь понял!

– Стэн, Стэн! Впереди копы! Видишь, мигалки?

– Вижу! Срань, господня! Как меня угораздило?

Но вместо того, чтобы развернуться, мой парень лихо свернул направо. Здесь улица была гораздо уже. Поэтому свободно двигаться мог только один автомобиль. Мы тихонько поехали вперёд, пытаясь прочитать на стенах домов адрес. Это так противно, когда не понимаешь, каким образом ты умудрился заблудиться и где находишься. Я уже хотела предложить остановиться, чтобы спросить кого-нибудь, но на улице не было ни души. Только припаркованные автомобили. В это время далеко впереди появились огни встреч-

ной машины, которая стала непрерывно нам мигать фарами дальнего света.

– Чёрт! Мы что опять по встрече едем? Чего там твой маршрутизатор молчит?

– Сам не пойму. Он всё время подвисает и не определяет наше местоположение.

Машина приближалась. Развернуться или сдать назад было невозможно из-за тесноты улицы и тёмного времени суток. Стэн не нашёл лучшего решения и снова свернул направо. Здесь оказалось ещё теснее и страшнее. Вдобавок это был тупик. Мы упёрлись в здание с большим парадным крыльцом. Мой культурист смачно выругался и приготовился сдавать назад, но в это время Ева Мария заорала прямо мне в ухо:

– Стойте! Стойте! Тормози!

– Чего ты орёшь, как полоумная? – я воткнула палец в ухо и потрясла им.

– Что там написано?

– Где?

– Над входом. Видишь неоновую вывеску «Ночной аттракцион «Голливудские клише»? А под ним бегущая строка. Что там написано?

Я присмотрелась и стала читать:

– Только сегодня ночью. Уникальный аттракцион, в котором каждый имеет возможность выиграть 10 миллионов долларов. Для первых четырёх посетителей вход бесплатный.

Начало работы – полночь.

– Сколько сейчас времени?

– Без пяти минут двенадцать, – подсказал ей очкастый геймер.

– Смотрите! Никого нет. Мы первые. Давайте пойдём туда.

– Это какой-то развод. Я хочу спать. Вы дрыхли, а у меня глаза из орбит вываливаются, – мрачно отрезал Стэн.

– Я чувствую, что там нас ждёт что-то необыкновенное. Если мы сейчас уедем – мы больше потеряем, чем приобретём, – зашлась в патетике ходячая киноэнциклопедия. – Надо иногда делать не то, что тебе хочется в эту секунду. Надо уметь переступить через лень, усталость и ежедневную суету. Если не хотеть получать удовольствие от неизведанного, лучше уж сразу похоронить себя на диване с бутылкой пива в одной руке и чизбургером в другой. Мы сейчас уедем и никогда не узнаем, что там за дверью. А может там наша судьба? Наш шанс прожить оставшуюся жизнь интересно и ярко, а не обыденно и скучно.

В этот миг я подумала: «А девчонка умеет всё простое сделать значимым. Она говорит красиво и умно. А главное – страстно и убедительно». Поэтому мне не оставалось ничего другого, как поддержать её:

– Я тоже хочу, чтобы мы все вместе туда пошли.

– Бэби, ну ты то что? Это же какой-то обман. Смотри! Там написано, что мы бесплатно можем получить десять милли-

Онов.

– Вот!

– Чего «вот»? Где желающие? Где, дьявол тебя задери, стомильная очередь из желающих? Это плохая идея! Это обман, дурь и замануха!

– Стэн, клянусь тебе, что мы сразу уйдём. Но мне кажется, что в мире есть место для чудес. Все знают, что таким местом является Голливуд. А мы от него буквально в девяти ярдах.

Он схватился за голову и постучался лбом о рулевое колесо.

– Господи! Надо же мне было умудриться заблудиться в этом поганом городишке!

Киноманка вновь оживилась:

– Это Лос-Анджелес. Город, где исполняются мечты.

– У меня сейчас одна мечта: добраться до кровати и положить голову на подушку.

Субтильный геймер тоже вставил своё уникальное мудрое мнение, которое я раньше где-то уже слышала:

– Вселенная и время бесконечны, следовательно, любое событие неизбежно, даже невозможное. Вероятность невероятного вовсе не равна нулю.

– О-о-о!!! Собрал полный салон умников и думал, что я от этого только выиграю. Какой debil!

– Стэн! – это я включила своё влияние на красавчика. – Ты самый умный, самый счастливый, самый смелый! Ты просто обязан первым открыть эту таинственную дверь.

– Всё! Я согласен! Иначе вы будете целую ночь меня мучить.

Мы вышли из машины и поднялись по ступенькам к достаточно невзрачной двери. Здесь все замерли. Никто не решился первым переступить порог. Стэн взглянул на свои часы.

– Уже двенадцать! Чего встали? Идём, раз пришли.

И он резко распахнул дверь.

Глава 4

Уилл Маркс

И сотворил бог людей. И сказал господь: «Дети мои, пусть каждый из вас найдёт на этой планете заветный уголок, где будет счастлив». И после этих слов он сделал Землю круглой. Я долгое время считал, что интернет – это мой счастливый уголок. Ничего лучшего у меня никогда не было. Не было удовольствия от общения, как внутри семьи, так и за её пределами. Сверстники меня просто раздражали. Но со временем и интернет для меня стал не лучше, чем сверстники. Мои долгие страстные отношения с компом неожиданно дали трещину. Я уже не просыпался ночью в горячке с единственной мыслью о скорой встрече с ним. Когда видел его, в душе не возникал тот незабываемый умопомрачительный трепет. Мало того, перед сном я вставал с кресла, так и не получив вожаделенный кайф. Он перестал меня удовлетворять. Это была жизненная катастрофа! Стоило сходить к психологу. Но ещё теплилась надежда, что это временное явление. Серьёзность чувств проверяется разлукой. Было трудно, страшно и обидно, но, чтобы попытаться склеить давшие трещину отношения пришлось пойти на этот эксперимент и устроиться на работу. Курьером мне довелось проработать ровно три дня. За полчаса до увольнения я встретил Еву. Она показалась мне интересней, чем все те люди, которые

окружали меня до сих пор. Десять лет мы учились в одном классе, но я её совершенно не знал. Мы были незнакомы. Так бывает. Возможно, кто-то считает, что всё то, что он видит каждый день на протяжении многих лет, ему прекрасно известно. Это не так. Это обман. Самообман. Вы даже себя любимого не знаете в полной мере, хотя постоянно смотрите в зеркало. А вот если изменить привычные условия вашей жизни, вы поймёте, что я прав. Люди в концлагере узнали многое не только о человечестве в целом, но и познали самоё себя. Это грустно, грубо, жестоко. Но это так. Они узнали, на что способны. Предательство или верность. Упорство или паника. Стойкость или пластилиновое смирение. Не буду утверждать, что знаю себя. Вовсе нет. Каким образом я могу себя познать, если каждый день всю свою сознательную жизнь видел своё отражение только в экране монитора? И то только в тот момент, пока он не включался. Поэтому встреча с Евой подвигла меня к революционному шагу. Я почувствовал себя крушителем устоев, вольнодумцем-бунтарём, Команданте Че. Надо что-то менять в размеренном укладе такой обыденной привычки проживать одинаково каждый день. Я почувствовал нутром, что эта неожиданная встреча принесёт мне ветер перемен. И доверился судьбе. Что ждёт меня впереди? Проходя через дверь аттракциона, я весь напрягся от ожидания чего-то необычного, чудесного и неповторимого. Но перед нами предстала обычная лавка китайских сувениров. Здесь было множество болван-

чиков с качающимися головами, драконов из кости, медных и бронзовых колокольчиков и всего остального, до боли знакомого по таким же лавкам Сан-Хосе. Мой двоюродный брат спортсмен. И этим всё сказано. Не хочу его обижать, но гармонично развитых людей не существует. По крайней мере, мне такие совсем не известны. У Стэна тоже явный перекося развития в сторону физической силы. От него трудно ждать аналитических рассуждений о проблемах мироздания. Чтобы выглядеть умнее, он обычно изображает из себя натуру, критически настроенную к окружающей действительности. А своё мнение всегда начинает излагать с фразы: «Это плохая идея». Вот и сейчас Стэн сразу же встал в позу, воткнув одну руку в бок, а другой провёл по кругу.

– Ну, что я говорил? Это была плохая идея! Обычная завлекауха. Сейчас нарисуеться старый плешивый торговец и начнёт впихивать нам своё китайское собачье дерьмо. Уходим!

Неожиданно реальная картинка перед глазами поплыла, всё подёрнулось какой-то непонятной дымкой. Я посчитал, что меня просто укачало в дороге. Поэтому появление из ниоткуда седовласого старичка я не воспринял, как что-то волшебное. Он был одет в шёлковый стёганый халат, а его голову украшала красная шапочка с большими чёрными отворотами. Из-под неё торчала тонкая седая косичка. На ногах у согнувшегося в полупоклоне китайца были парчовые башмаки с загнутыми в завиток носами. Он протянул свиток, на-

мотанный на сандаловую палочку, украшенную с одной стороны головой дракона, а с другой красным шёлковым шнурком. Стэн демонстративно убрал руки за спину. Посмотрев на Еву и Элиз, я взял свиток и развернул его. Там было написано всего четыре слова: «Вы согласны участвовать в аттракционе?» Я показал текст спутникам и сказал: «Я согласен». Девушки тоже подтвердили своё согласие. Все уставились на Стэна. Он сначала нервно дёрнул головой, а затем, не выдержав нашего пристального внимания, пробормотал:

– Я самый лучший, я самый смелый. Но это была плохая идея, – и тут же, выпучив глаза, рывкнул. – Согласен я! Согласен!

Сладко и угодливо улыбаясь, китаец протянул нам палочку, напоминающую стилус, которым в древности царапали буквы по воску.

Стало понятно, что он просит подписать этот странный документ. Не задумываясь, я провёл острым концом палочки по тряпичной основе свитка. Удивительно, но там проявилась моя подпись. Она была красного цвета. Этот же обряд проделали все остальные. Мы вновь взглянули на старичка. В руках он держал фотоаппарат. Сверкнула вспышка и одновременно с этим под нами провалился пол. Ошеломлённые, переворачиваясь и ударяясь всеми частями тел, мы полетели вниз по гладкой никелированной трубе, словно по закрытой горке аквапарка. Мои друзья орали громче, чем любители острых ощущений, скатывающиеся с гигантского ат-

тракциона «Камикадзе». Ещё бы! В отличие от экстремалов аквапарка, мы не знали, что нас ждёт внизу. Под конец полёта труба приняла более горизонтальное положение. Слава богу, что этот странный страшный полёт закончился достаточно мягким приземлением на мешки с бельём. Мы отделались лёгким испугом. Хотя, нет, вру. Испуг был тяжёлым и основательным. Повезло ещё, что Стэн и Элайза приземлились первыми. Если бы они свалились на меня сверху, не уверен, что я отделался бы лишь испугом. Помещение явно было прачечной. Правда, какой-то старинной. Огромные машины с большими стеклянными дверцами переваливали горы простыней и пододеяльников. Отовсюду струился пар. На ближайшей стене висел замызганный старинный плакат, на котором были изображены красавицы в декольтированных вечерних нарядах, джентльмены с дымящимися сигарами и бокалами в руках, рулетка и тому подобное. Лозунг гласил: "Падение в жизни тоже бывает приятным. По крайней мере, в первое время, пока ты не осознал, что продолжаешь лететь».

– Всё, как в традиционном голливудском фильме. Странные машины, безлюдные производственные помещения и отовсюду струятся испарения, – задумчиво обрисовала ситуацию Ева Мария, оглядываясь по сторонам. – Хороших парней часто приковывают к таким трубам. Они их ломают, и из труб наружу вырывается пар. В сочетании со взрывами и пожарами, пар создаёт необыкновенно правдивый антураж, –

ухмыльнулась она.

– Это и есть аттракцион «Голливудские клише»? Это скорее «Русские горки». Мне уже всё порядком надоело. Поехали домой.

Стэн вскочил на ноги и помог подняться своей подруге. Я тоже попытался встать, но адская боль повалила меня на пол.

– А!!! Что со мной?

Боль прошла снизу вверх по всему телу до самой макушки, разорвала мозг и столь же резво вернулась в левую ногу.

– Срань господня! Это была плохая идея! Задрот геймерский, ты сломал свою худую конечность!

Стэн стоял над моим телом, выпучив красные, усталые глаза. Я скосил взгляд в сторону левой ноги и увидел свою неестественно вывернутую стопу. Увиденное меня страшно испугало, и я закричал ещё громче, но теперь уже не от боли. Выслушав моё эмоциональное послание соседней галактике, кузен равнодушно ухмыльнулся:

– Хлюпик, недоумок, чмо недоделанное. Я сразу сказал, что это плохая идея.

Но от моего тела здоровяка тут же оттеснила его шоколадная подружка:

– Чего там? А, это. Это вывих.

Она тут же нагнулась и резко выдернула мою ногу из моего скелета. По крайней мере, так показалось в первый момент. Но резкая боль тут же сменилась блаженством наступ-

пившего облегчения:

– Вау! Кайф! Как здорово ощущать себя здоровым человеком! Спасибо, Лиз.

– Ничего страшного, пользуйся моей добротой. Не зря я ходила на курсы оказания первой помощи пострадавшим.

Она подала руку и помогла встать. Ступать на левую ногу было больно, но терпимо.

– Надо валить отсюда, пока дистрофан не сломал себе ещё что-нибудь, – не унимался Булк.

– А как же договор, который мы подписали? – спросила его Элайза.

– Какой, к дьяволу, договор? Пусть засунут его в свою толстую задницу. Да и нет там никаких обязательств сторон. Будете участвовать? Будем! И что?

В это время из трубы, откуда мы вывалились минуту назад, выскочила фотография. Плавно порхая в воздухе, она приземлилась в ладони Евы.

– Смотрите! – воскликнула девушка, демонстрируя нам фото. – Мы держим в руках контракт.

И на самом деле, на фото стояли мы. Я держал в руках свиток. На снимке был виден текст, начертанный на другой стороне этого странного договора.

В полёте мои руки крепко держали этот китайский документ. Поэтому я сразу же его развернул. Точно, на другой стороне ткани был текст, который гласил следующее: «Контракт между участниками аттракциона «Голливудские кли-

ше» и его организаторами в лице Ли Юань Джу. Мы, давшие своё согласие на участие в аттракционе, подписали договор по собственной воле, в здравом уме и твёрдой памяти. Мы ознакомлены со всеми правилами и положениями игры и осознаём, какой опасности подвергаем свои жизни и здоровье. Ни при каких обстоятельствах участники аттракциона, поставившие свои подписи под ним, не будут предъявлять претензии организаторам. Живым до конца аттракциона может прийти только тот, кто поймёт его смысл и тот, кто вполне осознает реальность всего происходящего. Жизнь – это то, что ты видишь. Реальность – это то, во что ты веришь. Мы сами творим свою реальность».

Стэн взял в свои руки свиток и заново внимательно прочитал текст. После чего выдал своё непрекаемое мнение:

– Ерунда всё это. Это не юридический документ. Тем более, что подписи на нём только в одном экземпляре. Вот в этом! – он потряс свитком в воздухе. – И он у меня в руках.

В следующий момент из-за ближайшей стиральной машины выскочил китаец в атласной рубашке, подвязанной кушаком, и колесом акробата проскочил мимо наших оторопевших морд. Мы даже сначала ничего не поняли. Только Стэн заорал, грязно ругаясь:

– Мать твою! Этот ублюдок стащил контракт!

Он потряс в воздухе пустыми руками. В следующий момент из трубы вывалился точно такой же свиток. Стэн нервно схватил его и развернул.

– О, мой бог! Здесь нет наших подписей.

Лиз стала его успокаивать:

– Красавчик, успокойся. Что сделано – то сделано. Надо думать, как отсюда выбираться.

Ева Мария взяла в руки свиток и стала его разворачивать дальше. Там был длинный текст, до этих пор непрочитанный нами. Единственный приятный момент в нём гласил: «Возможный выигрыш может составить 10 миллионов долларов». Однако комментарии к этому многообещающему послы, немного удручали своей жестокой сухой реальностью: «Оставшиеся в живых участники имеют право разделить суперприз между собой по собственной договорённости. Чтобы аттракцион закончился, необходимо пройти десять этапов, в ходе которых игроки должны проявить все свои способности, сообразительность, знание фильмографии Голливуда и при этом не умереть». Здесь же особо подчёркивалось, что всё происходящее является реальностью, в том числе угроза жизни и здоровью.

Я спросил:

– Что будем делать? Есть идеи?

– Какие могут быть идеи в этом гадюшнике? Затащили меня в самую задницу мира. Это во всём ты, придурок, виноват и твоя чокнутая подружка, – Стэн больно ткнул меня в грудь своим мощным мускулистым пальцем. – Мы уходим, а вы можете ползать здесь хоть до посинения, – и кузен, потянув за руку свою подругу, двинулся в направлении ближай-

шей двери.

Мы с Евой переглянулись и поплелись следом.

За дверью оказался небольшой внутренний двор, на территории которого кроме мусорного бака практически ничего не было. На баке было написано: «Этап №1». Да, там ещё стояла бочка, из которой струился дым. В жизни я таких не встречал, но в кино возле подобных обычно греются бездомные. Все стены этого каменного колодца были исписаны граффити и пошлыми надписями. Но мне врезался в глаза текст, совершенно не соответствующий внешнему антуражу этой территории: «Жизнь – это путь, на котором всегда подстерегает смерть». Ева Мария поймала мой взгляд и сказала: – Это цитата из фильма «Трасса 60».

Стэн огляделся по сторонам, схватил меня за грудки и притянул вплотную к себе:

– Ну что, недоумок, десять лимонов баксов нам здесь дадут? – он сделал ударение на «здесь». – Даун! И ты, и твоя подруга! – его слюни неприятно густо забрызгали моё лицо. Затем он с силой оттолкнул меня и устало сказал своей подруге: – Гудвин, у меня такое ощущение, что мы больше не в Калифорнии. Сейчас из помойки вылезет какой-нибудь железный дровосек и вслед за этим прилетит стая летучих обезьян, – он привычно выругался, после чего заорал на нас: – Давайте! Лезьте в эту помойку! Может, там вы найдёте свои лямы!

Он в бешенстве пнул железный бак ногой. Оттуда сразу

же показалась голова бездомного, который изрёк:

– В ужасной помойке всегда можно найти выброшенные по недоумию продукты, драгоценности и книгу мудрости. А в великолепном на вид кусте роз – только иголки. Реальность обманчива. Осталось только понять – в какой реальности находитесь вы. Тихо! Они едут! Прячьтесь!

Его голова снова исчезла. И на самом деле тут же послышался звук въезжающего во двор автомобиля. Кто его знает, что нас ждёт дальше в этом мире сплошного абсурда! На всякий случай мы послушно присели за грязным вонючим баком. Это был чёрный лимузин. Он резко тормознул посреди дворового колодца, и из его двери высыпала группка латинос. Выглядели они ужасно. Ужасно устрашающе. Их чёрные майки открывали большие участки тела, сплошь изрисованные тату. На шеях болтались увесистые золотые цепи. У большинства бандитов на голове топорщились грязные дреды. Для окружающих выражения их жутких физиономий не предвещали ничего хорошего. Я не хотел бы с такими встретиться поздним вечером на пустынной улице. Со всем не хотел бы. Впрочем, встречи с ними я не хотел бы даже самым светлым днём. И даже на самой людной улице. Водитель оббежал машину и открыл пассажирскую дверь. Оттуда вышел главарь банды. Выглядел он ещё ужасней, чем вкуче все его подручные. Из дверей здания, окружающего внутренний дворик, стремительно выпорхнула другая банда. Состояла она из афроамериканцев. В отличие от латинос на

чёрных братьях было больше одежды: широкие спортивные штаны и длинные куртки, бейсболки и кроссовки. Но цепи, болтающиеся на груди, были ничуть не тоньше. Обе группировки выстроились за своими главарями, выдвинувшимися навстречу друг другу. Предводители начали переговоры, активно помогая себе жестикуляцией. Я не мог разобрать, о чём они говорят, так-как из открытой двери лимузина раздавалась громкая музыка в стиле «регги». В это время Стэн попытался переместиться для лучшего обзора и наступил на алюминиевую банку из-под пива. Она громко клацнула. Этот звук услышал ближайший к нам боец и что-то сказал своему боссу. Главарь «чёрных братьев», упёрся взглядом в наше укрытие, поднял руку вверх и крикнул:

– Кто там прячется, выходи!

Он толкнул ближайшего к себе бойца и тот, вытащив пистолет, поплёлся в нашу сторону. Ситуация не предвещала ничего хорошего. Мы замерли, а он шёл. Мы затихли, а шаги гангстера звучали всё явственней. Вот он уже совсем рядом. Мне показалось, что я уже слышу его дыхание. Всё! Это конец так и не начавшихся приключений. Конец... Но, слава богу, что с нами была Элайза. Она качественно спародировала кошку:

– Мяу, мяу!

Я бы ни за что не отличил от настоящей. Идущий к нам бандит остановился и активно взмахнул руками. Качая головой и ухмыляясь, он вернулся в строй. Мы же вновь «обдела-

лись» лёгким испугом. Предводители продолжили переговоры. Главарь афроамериканцев взял из рук помощника кейс и открыл его перед лицом предводителя шайки латиноамериканцев. Очевидно, что там был героин или другая наркота. Один из латиносов ткнул куда-то в невидимое нами пространство чемодана свой мизинец и после этого засунул его себе в рот. Сразу стало ясно, что он доволен качеством пробы и его пощёло от непредвиденной радости бытия. Взамен кейса с наркотой главарь «латинских братьев» передал афроамериканцам практически такой же чемодан, но уже с деньгами. Я, наблюдая за ними, устал сидеть на корточках. У меня затекли все суставы. К тому же давали о себе знать последствия вывиха ноги. На асфальте валялся старый рекламный буклет. Я решил подложить его под колено, чтоб опереться о землю. Но стоило мне протянуть руку, как в неё едва не вцепился опасный зверь. Это была огромная, старая, вонючая, грязная крыса, затаившаяся под днищем бака, стоявшего на деревянных брусках. Она оскалила клыки и грозно зарычала. До этого момента мне казалось, что крысы не умеют рычать. И если подобное показывают в кино – то это явная выдумка режиссёра. Монтаж, компьютерная графика, озвучка. Но нет, крыса рычала вполне реально, угрожая, ни больше, ни меньше, порвать мою руку в клочья. Я замер, не зная, что предпринять. Мы уставились друг на друга немигающими взглядами. Интересно, эта тварь опасается за свою жизнь так же, как я, или у неё другие инстинкты? В следующий мо-

мент я подпрыгнул выше мусорного контейнера. Нет, это не крыса бросилась на меня. Это мой придурковатый кузен разрядил напряжённую ситуацию. Увидев крысу, он подобрал большую упаковку из-под чипсов. Надул её, а разорванный конец пачки плотно закрутил. И после этого долбанул своей ручищей по надутой упаковке. Над моим ухом раздался взрыв, послуживший для крысы сигналом стартового пистолета. Она, словно вепрь, выскочила из укрытия и понеслась в сторону лимузина. Расходившиеся после сделки бандиты успели удалиться друг от друга не более чем на десять шагов. Приняли ли они хлопок пакетика за выстрел – я не знаю. И вряд ли когда-нибудь смогу это узнать. Зато они не могли не принять за выстрелы непрерывную нервную пальбу ближайшего к мусорному баку латиноамериканского бойца. Увидев несущуюся на него суперкрысу, он в ужасе стал беспорядочно стрелять в неё. Эта нервозность тут же распространилась, словно эпидемия зомби, по всему вонючему каменному колодцу. Если кто-то и понимал, что перестрелка началась по ошибке – было уже поздно. Кровь пролилась, и каждый мечтал остаться в живых, непременно при этом уничтожив противника. Ожесточение, страх, ненависть, безжалостность и привычка все вопросы решать с помощью пистолета привели к скоротечному финалу. Сжавшись в плотную кучку за баком, мы буквально через пару минут поняли, что стрелять уже больше некому. По всему дну этого каменного колодца валялись многочисленные трупы гангстеров. В

несуразных позах они запечатлели каждый своё удивление от перехода в мир иной. Каким был этот мир – не берусь даже предполагать. Но вряд ли это был рай. Старая крыса тоже закончила свой размеренный жизненный путь героически. Она валялась на спине посреди колодца с разорванной пулей головой и растопыренными вверх лапками. Что ж, в нервной атмосфере нашего времени не стоит делать резких движений. Они могут оказаться последними. Стэн, как и положено настоящему герою, первым вернул своё самообладание на то место, откуда оно сбежало минут пятнадцать назад.

– Дерьмо собачье! Ноги в руки и тикаем отсюда! – завопил он.

Не дожидаясь повторения команды, мы дружно рванули назад в прачечную. Только Элис по пути сделала небольшой крюк и вырвала кейс из рук афроамериканца. Он был ещё жив и пытался сопротивляться.

– Отцепись, ублюдок! – она с размаху пнула его тяжёлым ботинком в живот. – Это мой приз, мои деньги!

Мне стало неудобно, что женщины выполняют мужскую работу, и я прихватил второй чемоданчик.

Забегая в дверь прачечной, мы заметили, что во двор из другого выхода высыпали родственники «чёрных братьев» в количестве не менее двадцати человек. Они все, как один, были вооружены до зубов. Оказавшись внутри помещения, я и Ева уцепились за ручку двери, чтобы её не открыли снаружи. Стэн с подругой занялись более важными делами. Они

открыли кейс и стали любоваться его содержимым.

– Вроде не фальшивые, – кузен показал мне пачку стодолларовых купюр. – Интересно, сколько тут? Мне кажется – десяти миллионов здесь нет.

– В обычный кейс вмещается миллион долларов в стодолларовых купюрах, – произнесла Ева Мария. – Он должен весить около десяти килограмм.

– Так и есть! – Стэн потряс в воздухе чемоданчиком. – Братан, ты где подцепил эту энциклопедию? Она не перестает меня удивлять.

Ева Мария тут же подтвердила этот вердикт, зло прокричав ему:

– Ты как нельзя вовремя открыл кейс! Если ты сейчас продолжишь подсчет денег, то утром нас найдут не только без этого чемодана, но и без тех денег, которые мы взяли в дорогу. А наши тела будут напоминать дуршлаг. При лучшем раскладе, я и твоя подруга проживём на сутки больше. Это в том случае, если мы заинтересуем гангстеров в сексуальном плане.

В подтверждение её слов снаружи раздались выстрелы. Было слышно, как пули глухо втыкались в массив двери. Слава богу, что в стародавние времена всё делали крепко и основательно. Выстрелы раздавались так часто, что стало понятно, что вскоре у наших нервных оппонентов может возникнуть желание не только пострелять, но и повзрывать.

– Чего стоишь? – завопила Ева Мария. – Ищи чем дверь

запереть!

Стэн заметался по помещению в поисках подходящего предмета. Вернулся он буквально через минуту со шваброй в руке:

– Это пойдёт?

– Естественно. Суй!

Глава 5

Ева Мария Фитцджеральд

Было страшно. Вернее, жутко. Не верилось, что такое может произойти. Произойти со мной. Почти двадцать лет я жила тихой, однообразной, размеренной жизнью. И вдруг: погоня, деньги, перестрелка, наркотики. Пришлось даже ущипнуть себя на всякий случай. Результат очевидный – больно. Когда парни просунули швабру между ручками дверей, я уже стояла на выходе из прачечной. Здесь начинался длинный коридор с окрашенными дешёвой краской стенами. Можно было предположить, что это подсобный этаж какой-то гостиницы. Все помещения в этом коридоре, судя по всему, являлись производственными. Да уж, Ева, влипла ты по самое не могу. Жуткий антураж, страшная ситуация. Очень хотелось забиться в дальний угол, спрятаться в каком-нибудь тёмном глухом подвале. Но я знала, чем это обычно заканчивается. Подобные «пряталки» в фильмах ужасов никогда не приводили ни к чему хорошему. Поэтому я стала искать лестницу или лифт. Надо было подняться вверх, где наверняка много людей и всяких там служащих отеля, которым по статусу положено спасать или охранять гостей. Большой грузовой лифт располагался напротив дверей, ведущих из коридора в прачечную. Естественно, что я сразу нажала кнопку вызова. Было слышно, как он зарабо-

тал. Но кабинка находилась где-то далеко от нас. Из прачечной доносились звуки, означавшие только одно – дверь активно ломают, и она скоро перестанет быть преградой. Не выдержав ожидания, я рванула по коридору, пытаюсь установить новый мировой рекорд в беге. Лиз и парни, нервно подпрыгивая на ходу, и сталкиваясь друг с другом, дышали мне в спину. Справа, по ходу нашего движения, обнаружилась дверь со значком аварийного выхода. Мы ломанулись в неё. Металлическая лестница была широкой, с площадками на разворотах. Но нашим намерениям спастись, поднимаясь по лестнице вверх, не суждено было осуществиться. Любая аварийная лестница, что вполне закономерно, заканчивается выходом на улицу. Уличная дверь распахнулась, и в её проёме нарисовался огромный китаёза. О господи, оказывается бывают и такие! В руках он держал пушку самого большого калибра из всех, которые я когда-либо видела в кино. Пожалуй, только гигантский «Ругер» в руках героя «Полицейской академии» Теклбери выглядел внушительней. Не задумываясь, желтолицый гигант решил всех нас уложить на месте. Тут же засвистели пули, визжа рикошетом о стены и металлическую основу лестницы. На голову, словно из мешка, посыпалась штукатурка. Лестница легко простреливалась, добраться до неё было невозможно. Поэтому в животном страхе я даванула на своих попутчиков в обратном направлении. Они не успели развернуться, и наш квартет вывалился с лестничной площадки на пол коридора. Гангстер прибли-

жался, продолжая стрелять. На четвереньках, нервно суча при этом ногами, мы выскочили из сектора обстрела и расположились по обе стороны от проёма двери. Выстрелы прекратились. Выглянув, я увидела, что узкоглазый перезаряжает своё внушительное оружие. Патроны, очевидно предназначенные для охоты на слонов, ловко вставали в барабан револьвера. Китайский Кинг-Конг стоял всего в пяти ярдах от нас, спокойный и уверенный в своих действиях. Парни обязаны были что-нибудь предпринять. Ведь они мужчины! Но представители героической половины человечества сидели рядом, сжавшись в комок, с трясущимися бледными губами. И что дальше, Ева? Чего ты ждешь? Смерти? Принц на белой лошади так и не прискакал к тебе на помощь. И вряд ли прискачет даже на хромой кобылке. Пришлось самой вскочить на ноги и с бешеным криком «а-а-а-а!!!», ополумев от безысходности, разогнаться и влететь головой в живот китайца. Что ещё надо было делать? Ждать, когда он зарядит патронами пистолет и словно в тире перестреляет всех нас? Драться я не умею. Совсем не умею. Разве что могу вклепать пощёчину. Это бы я сделала с удовольствием. С детства, поглощая сюжет очередной экранной трагедии, я постоянно мечтала отвесить какому-нибудь негодяю звонкую затрещину. К примеру, он, такой, говорит наивной героине фильма, заставшей этого засранца в кровати с двумя своими лучшими подругами: «Дорогая, это не то, что ты думаешь!» Героиня и звука не успела ещё произнести, как я, та-

кая, выскакиваю из-за её спины – тресь! Потом другой рукой по его наглой роже – тресь! Потом: тресь, тресь, тресь, тресь, тресь! Так тебе и надо, подлец!!! Ты предал такую ангельскую, чистую, доверчивую девушку. Тресь! И далее следует барабанная дробь из пощёчин, позавидовать которой мог бы любой знаменитый рок-ударник, типа Ринго Стара. Но подобная «тресь-пощёчина» вряд ли могла произвести на этого здоровенного китайца хоть какое-то впечатление. Это не я его застала в постели со своей лучшей подругой. Это он нас застал совершенно безоружных с чемоданом наркоты и кейсом баксов. Поэтому моё бодание было в данной ситуации единственно оправданным решением. Он не сумел оценить опасность. Не успел собраться и противостоять. Я, как любая девочка, не умею описывать драки. Зато это здорово делают мальчишки, выходя из кинозала после просмотра очередного блокбастера. Попробую их изобразить. В их исполнении это звучало бы примерно так: бац! Трах! И толстяк узкоглазый о ступеньку ка-а-ак... долбанётся! И кровища во все стороны – вау! Примерно так! Шух, шух, шух – противно шурша по нервам, его пистолет проскользнул в дальний угол. Но мне было не до него. В это время до моих ушей донёсся звук открывающихся дверей лифта.

– Лифт! – заорала я.

Мы на всех парусах кинулись к спасительной кабинке. Когда до неё уже было рукой подать, дверь, ведущая в прачечную, неожиданно распахнулась и навстречу нам высы-

пала группка вооружённых пистолетами бойцов. К счастью, они посчитали, что мы давно смылись. В двери зияло окошко. «Чёрные братья» прежде, чем выйти, наверняка, сначала взглянули в него. Но в тот момент нас в коридоре не наблюдалось. Поэтому бойцам не повезло. Они вошли в коридор совсем несобравные. Мы по инерции влетели в них, замяв боевое построение, и повалили первых трёх бандитов на пол. Четвёртому Стэн, наконец взявший на себя мужские обязанности, вlepил кулаком в лоб, и тот благополучно улетел туда, откуда вышел. Оказавшись в лифте, я нервно ткнула пальцем в кнопку пятнадцатого этажа и стала ждать закрытия дверей. Пятнадцатый этаж попал под мой палец совершенно случайно. Не было времени размышлять над выбором. Когда двери стали закрываться в проём резко просунулась рука и вырвала из рук Элайзы кейс. Никто из нас не успел что-либо сообразить. Если честно, я на этот счёт даже немного обрадовалась: может нас перестанут преследовать. Но подруга культуриста была другого мнения. Она успела вставить между дверцами лифта свой внушительный башмак, и они вновь отворились. Мы опешили от всего этого, боясь даже пошелохнуться. Лиз выскочила из лифта и, вцепившись руками в кейс, боднула своим загорелым лбом в лицо бандита. Завладев чемоданом, она принялась мутузить им наших преследователей, крича при этом:

– Это мой кейс! Ублюдки! Это мои деньги! Твою мать! Это мой приз!

Всё это она проделала с поразительной сноровкой и остервенением, успев при этом заскочить в закрывающийся лифт. На прощание Лиз крикнула оторопевшим гангстерам:

– Поцелуйте меня в шоколадную задницу, уроды!

Я поняла, что с такой подругой лучше не связываться. Отдубасит, если что, в три секунды.

На пятнадцатом этаже и на самом деле располагались гостиничные номера. Значит, это точно отель. Надо было где-то спрятаться и сообразить, что делать дальше. В конце коридора находилась комната кастелянши. Туда и нырнули наши вибрирующие от нервного возбуждения тела.

Стэн выдохнул пару кубов воздуха из своей мощной груди и помотал головой.

– Охренеть, твою мать! Это была плохая идея!

Уилл спросил:

– Что будем делать?

– Я думаю, что нам надо делать ноги, – сразу же ответил брат. – И как можно, скорей! Кстати, что там у тебя в чемодане?

– Не знаю, сейчас посмотрим, – очкарик поставил кейс на стол и открыл замки.

– Мать твою! Это была плохая идея! Зачем только я вас придурков послушал? Нас посадят. Надолго посадят.

Всё пространство чемодана было забито пакетиками с белым порошком.

– Что-то мне подсказывает, что это не сода, не соль и не са-

хар, – продолжал ныть здоровяк. – Какого чёрта ты его схватил?

– Не знаю. Так получилось.

– «Не знаю. Так получилось», – передразнил брата Стэн. – Лучше бы пистолет прихватил.

– Пистолет нельзя, – вмешалась я в разговор.

– Это почему ещё? Самая умная, что ли? А если в нас опять будут стрелять?

– Всё равно нельзя. Может, из него кого-нибудь убили. И на нём будут наши отпечатки пальцев. Это плохо.

– А на чемоданчике наши пальчики – это хорошо? Вот что ты несёшь? Чего не скажешь – она тут как тут со своим особым мнением.

Он стал агрессивно на меня напирать. Его подруга тут же подскочила и прижалась к его груди.

– Стэн, Стэн, Стэн!!! Успокойся.

– Чего «успокойся»? Скажи ей, чтобы не вякала. Бесят меня всякие умники.

– Малыш, ты у меня самый героический мэн. Ты самый лучший! – Лиз осыпала его поцелуями. – Но ты ещё и самый добрый, самый человечный, самый правильный. Ты не должен раздражаться. Иначе мы пойдём не в Голливуд, а к психиатру.

Стэн отошёл от меня, повторяя как мантру:

– Я очень добрый, я самый человечный. Я должен ко всем относиться по-доброму. Я очень добрый, я очень добрый.

Чёрт, это была плохая идея! Но я очень добрый, я очень добрый...

Он демонстративно отвернулся в угол комнаты. Элайза обратилась ко мне:

– Что будем делать? У тебя есть план?

У голливудских героев всегда есть и план «А», и план «Б». Но я не герой фильма. Может поэтому ко мне в голову ничего не приходило. Хотя нет, стойте!

– Есть хорошая идея. Мы выберемся отсюда по вентиляционному коробу.

Когда мы вскрыли подвесной потолок и увидели этот короб, то поняли, что его традиционные киношные размеры значительно преувеличены. В нём не смог бы поместиться не только самый дохлый из нас, естественно, это я намекаю на Уилла, но даже отдельно взятая нога Лиз.

– Вот какой от тебя толк? – опять завёлся здоровяк. – А считаешь себя самой умной. Можешь не рассчитывать на наши призовые баксы.

– Это почему?

– А что ты сделала? Кто ты такая? Я тебя взял только по просьбе брата. Тебя нет в списках на награждение. Ещё и за бензин должна мне доплатить.

Эта его вывернутая логика мне вообще не понравилась.

– А кто не хотел идти в китайскую лавку? Я что ли?

– Чего? – Стэн вновь подскочил и стал напирать на меня своей накачанной грудью. – Чего ты несёшь, детка? Совсем

страх потеряла?

– Стэн, Стэн, Стэн!!! – Лайза вновь повисла на нём. – Давай, не будем сейчас разборки устраивать.

– А когда их устраивать?

– Когда окажемся в безопасном месте. У тебя у самого есть идеи?

Стэн потёр своими ручищами грудные мышцы и отошёл от меня в сторону.

– Есть. Но сначала пусть каждый из вас озвучит свои. Давай, ботан, дерзай! Ты первый!

При этом Булк отвесил брату подзатыльник. Маркс потёр ушибленное место и поморщился от боли.

– Я сначала заступлюсь за Еву. Мы все вместе пошли сюда и все вместе подвергаемся опасности. Одинаково подвергаемся. Поэтому и добычу должны делить поровну. Давайте сразу так договоримся.

– Согласна, – кивнула я головой.

Подруга качка помялась, покачала головой, размяла толстые губы и тоже согласилась:

– Идёт. Не до дележки приза пока. Надо наши задницы отсюда вытаскивать.

– Нет! Сначала заключим устный договор, – не унимался геймер. – Пусть Стэн тоже скажет, что он согласен.

– Хорошо, я как все. Пупс, открой чемодан. Посмотрим, сколько там денег. Вдруг «куклу» подсунули! Чтобы не было потом непоняток и гнилых разговоров.

«Пупс» открыла кейс, и мы увидели, что он под завязку набит пачками стодолларовых купюр. После подсчёта оказалось, что денег в чемодане меньше миллиона – 925000 баксов. Но они, слава богу, не фальшивые.

– Сволочи! И тут не доложили, – подвёл итог Стэн. – Ладно, теперь за дело. Выкладывай, братец кролик, свои сообщения.

При этих словах качок дружелюбно треснул Уилла по спине. Геймер отлетел в сторону и повёл худыми плечами:

– Предложение простое: вызовем лифт, заберёмся на крышу кабинки и...

– ... будем кататься на ней до посинения. Ничего умного от тебя я и не ожидал, – Стэн во всю старался расставить приоритеты, обозначая, кто тут главный. – Ты бы ещё предложил забраться на крышу здания и проголосовать пролетающей мимо тарелке.

– Ты спросил моё мнение, а теперь орёшь! – попытался парировать кузен. – Сам, что предлагаешь?

– Сначала вас выслушаю.

– Выслушал? Говори! Не высказался только ты с Элайзой.

Стэн приобнял подругу и чмокнул её в щёку.

– Скажешь?

– Скажу! Нас четверых ищут. Поэтому, надо разбиться на пары и таким образом спокойно выйти отсюда.

– О, бейба! Я согласен с тобой. Ты молодец! Мы возьмём чемодан с деньгами, а они наркоту.

Я не выдержала:

– Стойте! Вы, что? До сих пор ничего не поняли?

– Чего мы не поняли, Ева Мария? Чего?

– Лиз! Мы не выберемся отсюда по парам.

– А вчетвером, значит, выберемся?

– Нет! Дело не в этом. Вчетвером ли, вдвоем ли. Какая разница! Главное понять – откуда нам выбираться.

– Чего ты мудришь опять, подруга? – Стэна постоянно раздражали любые мои высказывания.

– Где, по-твоему, мы находимся?

Этот вопрос несколько озадачил нашего атлета.

– Ну, не знаю. В каком-то отеле. Надо выйти на улицу и посмотреть.

– На! – я протянула ему свой айфон. – Набери номер или выйди в сеть.

– И чего? Не работает?

Все уткнулись в свои аппараты. Но на экранах девайсов вообще не было никакой информации по наличию сети.

– Не понял? – почесал затылок Уилл, – Где провайдеры? Где сотовые компании? Странно. В отеле нет сети. Странно.

– Ничего странного. Это не настоящий отель.

– Не «настоящий»? – Лиз подошла ко мне вплотную. – Ты о чём? Как это не настоящий?

– Успокойтесь! Успокойтесь! Помните, как мы сюда попали?

– Случайно.

– Ты нас затащила!

– Что ты хочешь сказать?

– Мы сюда попали по жёлобу.

– И что?

– Как вы не поймёте. Мы очутились в ирреальном мире.

Это не наша реальность, в которой мы живём.

– Девочка, ты слишком возбуждена, – Стэн принял грациозную позу мачо, самца-производителя, осеменителя кур. – Не знаю, что на тебя так подействовало: гангстеры или вид миллиона. Почти миллиона.

– Что же вы такие тупые?

– Но-но, без хамства.

– Мы взошли на крыльцо первого этажа. А потом где оказались?

Стэн всё ещё усмехался, но его подруга и Уилл призадумались.

– Да! Ты права, – глубокомысленно вздохнула Элайза, – что-то здесь не так. Мы улетели на много этажей вниз. Куда-то на уровень метро. Можно предположить, что вход был с улицы, расположенной на высоте, тогда как сам отель начинался бы у подножия этой горы. Но в этом месте вроде бы нет таких перепадов высот. И что ты думаешь по этому поводу? – обратилась она ко мне.

– Я думаю, что нам сначала надо понять, как отсюда выбраться. А уже затем делить деньги и разбиваться на пары.

– Как отсюда выбраться? – геймер обвёл всех немного на-

пряжённым взглядом.

– Я знаю только один путь. Это жёлоб, по которому мы сюда попали.

Я и на самом деле знала только этот путь.

– Нет, нет, нет, – уверенно запротестовала Элайза, – даже если мы снова окажемся в этой прачечной, мы по жёлобу не выберемся.

Она помолчала и добавила:

– Я точно не смогу это сделать. Он скользкий, гладкий и наклонный.

– Я и не предлагаю выбираться тем же путём.

– А что ты предлагаешь? – Стэн по-прежнему относился ко мне с изрядной долей предубеждения.

– Смотрите. Вот договор. В нём написано, что для окончания аттракциона мы должны пройти десять этапов. Мы прошли только один. На баке было написано: «Этап №1». Мы заработали почти миллион. Стало быть, осталось ещё девять этапов. И мы можем получить обещанные 10 млн баксов или погибнуть. Все это понимают?

Стэн не заставил ждать своего ответа:

– Не знаю. Я в это не особо верю. Это плохая идея.

Но его речь тут же прервалась ударом локтя его подруги:

– Стэн, ты начинаешь всех раздражать. Она правильно говорит. Если ты не воспримешь всю эту новую реальность серьёзно – мы все содохнем. Не только ты – мы все! Начинай действовать, а не ныть и рассуждать. Именно такого я тебя

полюбила. Не разочаровывай меня, малыш!

– Я что...

– Заткнись и слушай! Что ты предлагаешь, Ева Мария?

– Я считаю, что нам необходимо двинуться по этому пространству параллельной реальности в поисках остальных этапов.

Стэн вновь хмыкнул, но тут же заткнулся, поймав на себе суровый взгляд возлюбленной. Я продолжила:

– Аттракцион называется «Голливудские клише». Значит, как минимум, эта реальность связана с Голливудом.

– Логично, – кивнула головой Элайза. – Продолжай.

– Второе ключевое слово – «клише». Это намёк на то, что эта реальность связана с обычными голливудскими штампами, которые так раздражают внимательного зрителя. В договоре сказано: мы должны понять суть этой реальности. Только тогда сможем выйти отсюда победителями – живыми и богатыми. Нам надо ориентироваться на то, что штампует Голливуд. В каждом событии необходимо находить аналогии, которые чаще всего повторяет «фабрика грёз».

– Единственное, чего я не понимаю – вновь вставила речевую марку Гудвин, – кому это нужно? Это что? Получается, что они просто так раздают мешки денег, развлекаясь наблюдением за нами: выживем мы или сдохнем. Что это за аттракцион такой?

– Да, да! Ты права! Но вот, что я думаю об этом. Есть такой часто повторяющийся сюжет в фильмах: героев застав-

ляют спастись под угрозой смерти, устроив на них охоту, либо предлагают добраться до конечной точки первыми, где их ждёт куча баксов. И в том, и в другом случае, это пари, где богатенькие, пресытившиеся жизнью уродцы делают ставки на того или иного героя.

– Но нам, насколько я понимаю, предлагается вместе выбираться, а не конкурировать между собой, – резонно возразил очкарик.

– Что ж, можно предположить, что ставки только две: выберемся мы или умрём.

– Получается, за нами следят? – переспросил Стэн.

– Вполне вероятно. Поэтому здесь нет сети. Они не хотят, чтобы мы имели возможность связаться с внешним миром. Но не слежка должна нас волновать, раз уж мы ввязались в эти игры.

– Из-за тебя ввязались. Я не хотел ид...

Лиз не выдержала и со всей силы долбанула качка своим немаленьким кулачком:

– Ещё раз начнёшь подвывать – я тебя больше не знаю.

Стэн беззвучно скорчился пополам, но согласно закивал головой.

– Раз уж мы попали сюда, мы обязаны забыть о распрах и стать одной командой, – продолжила я разъяснять свою позицию. – Каждый должен выкладываться по максимуму сам и помогать во всём остальным. Только вместе мы способны добраться до финала игры.

– И получить мешок с баблом, – не удержался качок, чтобы не высказать своё мнение и тут же оправдался: – Лиз, я же по делу сказал. Чего ты?

– Странно всё это. Параллельная реальность. Да ещё – голливудская, – подруга Стэна глубокомысленно pokrутила головой. – Ни за что бы не поверила, если бы мне кто-нибудь рассказал. Это может быть только сном. Но он не может сниться всем нам одновременно. И это факт.

Уилл поправил пальцем очки на переносице и привлёк к себе внимание, прочистив горло:

– Гм-гм. Я слышал, что есть такая философия. Она связана с материализацией наших мыслей и поступков. Если больного убедить, что ему дают самое лучшее лекарство, которое его непременно вылечит, то он может выздороветь. Это материализация наших мыслей, нашего сознания, нашего бытия. Есть и обратная история, произошедшая в Средние века. У одного короля служил искусный лекарь. Но он был очень ревнивым к чужой славе и считал, что талантливей его никого нет и быть не может. Поэтому никогда не брал себе учеников, собираясь унести все свои знания в могилу. В этом же городе жил бедный мальчик. Его мать сильно болела. Вылечить её мог только королевский лекарь. Но он был не по карману бедняку. Тогда мальчик устроился помощником к доктору, прикинувшись глухонемым и немного глупым. Несколько лет он внимательно следил и запоминал всё, что делал его хозяин. И в один прекрасный момент помог сво-

ей матери избавиться от её неизлечимой болезни. Но неожиданно заболела принцесса. Клещ проник через ухо в голову. От этого девушка впала в кому и медленно угасала. Королевский врач подумал, что у неё страшное неизлечимое заболевание и предрёк дочери монарха скорую смерть. Мальчик, ставший к тому времени юношей, не выдержал и сказал королю, что он сможет излечить прекрасную принцессу. И излечил, вытащив клеща. Но старый врач потребовал, чтобы король казнил дерзкого ученика, который посмел его обмануть. Парень признался, объяснив свой обман желанием спасти мать. Король был добр и предложил ограничиться соревнованием. Кто докажет, что он лучше, тот и будет диктовать условия. Но старый доктор сказал королю, что только смерть может быть условием такого соревнования. Кто найдёт противоядие к зелью, изготовленному соперником, тот и останется в живых. Сначала доктор дал яд юноше. Но тот быстро нашёл противоядие и не умер. После этого молодой врач подал стакан королевскому доктору. Тот долго ходил по замку, пытаясь определить формулу яда. Но так и умер побеждённым. Ты убил лучшего на земле доктора, зачем ты это сделал? Так закричал ужаснувшийся король. Я его не убивал. Я дал ему родниковой воды. И юноша допил жидкость из стакана... Как видите, самовнушение может привести и к летальному исходу. Всё это называется семантикой. Мы слушаем музыку, которая нам не нравится. Она нас просто бесит. Но она раздаётся из всех электрических приборов. Да-

же из тостера и фена. Мы не хотим, но слушаем её. И, прослушав тысячу раз, неожиданно начинаем напевать мелодию этой песни. Это опять реальность, которую мы не воспринимаем, но она есть. Мысль, слово, ощущения – всё это основа реальности. Мы видим предметы. Они реальны? Да, мы можем их пощупать. Но уверены мы, что это реальность? Машина едет по улице. Мы уже не можем её пощупать. Она реальна? Да, безусловно. Но вот мы идём по пустыне и видим такой же автомобиль. Он реален? Или это уже мираж? Никто не может категорично утверждать, что он живёт в сугубо реальном мире. В принципе, не важно в каком мире ты живёшь – важно какой мир живёт внутри тебя. Но, тем не менее, Голливуд стал частью нашей реальности. Он, несомненно, влияет на всех нас. Как влияет? Никто не может сказать с уверенностью: вот так и никак иначе. Слово, повторённое тысячу раз, материализуется. А зрелище? Голливуд с его средствами выражения в тысячу раз мощнее простого слова. Это я вновь говорю про принципы, а не про конкретику. Как на нас влияет это зрелище? Моя соседка тайно от родителей увлекалась просмотром ужастиков и сошла с ума. Сбрендила. Таких примеров тысячи! Это часть реальности. Не буду рвать на своей груди рубаху, доказывая что-либо. Но вполне можно предположить, что сотни раз показанный один и тот же эпизод фильма вполне может материализоваться в какую-нибудь параллельную реальность. Ведь этот эпизод просмотрели миллионы, десятки миллионов – сотни миллионов

людей. Они его видели практически одновременно и воспринимали его практически одновременно. А если этот эпизод кочует из фильма в фильм, порождая штампы, то зрителей становится уже миллиарды. Может сознание миллиардов материализовать такую реальность, в которую мы попали?

– Конечно, может, – я перебила длинный монолог дистрофика, которого зауважала ещё больше. – Мы сейчас как раз и находимся в такой реальности. Правильно! Соглашусь! Поэтому аттракцион и называется «Голливудские клише». Это мы должны понимать в первую очередь. И поступать исходя из этого самого клише. То есть, если мы знаем все голливудские штампы, а мы их знаем, мы просто обязаны пройти оставшиеся девять этапов.

Элайза вздохнула, саркастически улыбнувшись уголками губ:

– Собственно, ничего другого нам и не остаётся.

Стэн махнул сжатым кулаком и негромко пробормотал:

– И всё-таки, я считаю, что нам не мешало бы определить, где мы находимся, хотя бы выглянув в окно. Мы сейчас на пятнадцатом этаже. Обзор должен быть хорошим. Жаль, что здесь нет окна. Выходит, нам надо найти помещение с окном.

В чём-то он был прав. Выглянуть в окно вовсе не мешало бы.

– Хорошо. Давайте поищем такое окно. Но нам надо как-то замаскироваться. Что если мы наденем халаты горнич-

ных?

Здесь стоял шкаф, в котором на плечиках висело множество тёмно-синих халатов. На полках лежали фартуки и головные уборы.

Я и Элиз быстро подобрали свои размеры и переоделись. Наряды оказались странными. Было ощущение, что их делали для стриптизёрш по вызову. Халатики едва прикрывали причинные места, фартуки тоже оказались коротенькими. Туфли имели высоченный каблук. Да уж, весь день прибираться в номерах на таких каблучищах весьма затруднительно. Вдобавок в шкафу обнаружилось множество упаковок нижнего белья. В частности, чулки с поясами. Маленькие кружевные чепчики лишь подчёркивали двусмысленность нарядов. Лиз сказала мне:

– Если мы не наденем чулки, нас сразу разоблачат. Давай не будем выделяться среди прислуги.

В таком виде мы нарисовались перед парнями. Стэн аж взвыл:

– Вау! Секси! Неужели здесь все горничные в таких нарядах? Теперь я тоже не хочу покидать эту реальность.

Элайза ослабилась грозной улыбкой женщины-вампи и дала ему понюхать свой кулак:

– Договорись у меня!

– Моя шоколадная секс-бомбочка. Тебя я не променяю даже на тысячу таких служанок. Но признаюсь, что даже Ева Мария в таком наряде выглядит ой-ой-ой как соблазнитель-

но.

– А нам что делать? – задался вопросом геймер. – Нам как замаскироваться?

Мужской одежды для горничных, естественно, не оказалось. Недолго думая, мы нарядили парней по своему подобию. Даже сделали им макияж. Слава богу, что у того, и у другого растительность на лице отсутствовала. Стэн тоже стал выглядеть весьма аппетитно. Вот только Уиллу одежду по размеру найти не удалось. Не было там детских нарядов. К решению этой проблемы пришлось подойти творчески. На худом теле очкарика мы с помощью скотча закрепили все наши деньги. Затем надели на него бюстгальтер самого большого размера. В него тоже зачихали баксы. Чтобы выровнять угловатость денежных пачек пришлось засунуть в чашечки ещё и чулки с чепчиками. Когда он покружился перед нами, все просто обалдели. Девушка с тонкими ногами и огромным бюстом. Секс-бомбища, да и только. Понятия не имею, ходят ли по коридорам этого отеля целые отряды горничных? Но мы пошли. Загрузили постельное бельё на тележку и покатали её перед собой. Мне представился кадр из фильма, где мы под гламурную музыку движемся в замедленном темпе: походка от бедра, грудь колышется, голова гордо поднята. Куда мы направились? Не знаю. Никто из нас не знал конечной точки этого дефилирования. Но и без дела сидеть в комнате кастелянши глупо. Когда мы поравнялись с лифтом, двери его неожиданно раскрылись. Из кабинки вывалились

преследовавшие нас бандиты. Увидев группку соблазнительных девиц, они на миг остолбенели, затем мысленно раздели нас и изнасиловали, расплывшись при этом в непристойно сальных улыбках. Молодой боец с бритой головой и в майке, подчёркивающей его бицепсы, шлёпнул Элайзу по заднице.

– Детка, ты сегодня свободна? – осклабился он, показав всем свои белые, как снег зубы.

Но его перебил главарь:

– Чего встали? Надо найти товар и баксы. Куда эти твари подевались?

Я видела, что Стэн уже готов был двинуть белозубого афроамериканца по морде и встала между ними, чтобы предотвратить эксцессы. Главарь осмотрел нас с головы до ног, затем отодвинул меня своей ручищей и обратился к нашему культуристу:

– Милашка, ты не видела здесь двух парней и двух девчонок с кейсами в руках?

Стэн глупо заулыбался и повертел отрицательно головой.

– Ты что, немая?

Парень продул горло и ответил неестественно тонким голоском:

– Да. Я немая. А если ты будешь приставать, то станешь слепым. Я выцарапаю твои вонючие глазки.

Главарь заржал и, качая головой, двинулся по коридору. Свита потянулась за ним. Мы уже хотели нырнуть в кабину лифта, но в это время отворилась дверь ближайшего но-

мера и из неё выплыла старушенция. Одета она была нарядно, даже величественно. Вечернее платье, значительно открывающее её мощи, явно стоило бешеных денег. Там, где должно быть декольте, рекламирующее прелести, проступал набор костей, прикрытый огромным колье из бриллиантов. Она надменно взглянула на нас и, вздёрнув подбородок, произнесла:

– Вы мне и нужны. Поменяйте срочно постель. А то Фердинанд Тринадцатый туда направил.

Из её сумочки выглянула мордашка йоркширского терьера, украшенная величественным бантом и золотой цепью с кулоном из сапфира. Меня всегда умиляют комнатные собачонки:

– Ой, ты лапусик какой! А коротко как вы его зовёте?

– Девушка, что за фамильярность? Где вас только набирают? Что вы себе позволяете? Это его сокращённое имя. А полное – Фердинанд Тринадцатый Великолепный. Он у меня тринадцатый по счёту. За дело девочки! А ты, красотка, – обратилась она к Уиллу, – проводи меня до лифта.

И она уступила нам проход в свой номер.

Всего через пару минут весь наш квартет уже упорно пялился в окно её номера. Но ничего значимого для нас там не оказалось. За стеклом была панорама ночного города с несомерно огромной луной, зависшей над небоскрёбами.

– Это что, Чикаго? – вопрошающе воскликнул Булк.

– Нет, мне кажется, что это Нью-Йорк, – возразила его

подруга.

– Какой Нью-Йорк? Это Лос-Анджелес! – оспорил их мнение Уилл.

Пришлось тоже высказаться:

– Это заставка-перебивка. Её часто вставляют не только в мыльных операх, но также в боевиках и ромкомах.

– С чего ты это взяла, подруга? – бросила мне перчатку Лиз.

– А где ты видела такую луну?

– Я и не такую видела. В Сан-Хосе она бывает даже больше.

– А я не в Сан-Хосе живу? Что ты врёшь?

– Ты чего, стерва, нарываешься?

Но нас разнял здоровяк.

– Девочки, девочки! Не хватало вам здесь ещё подраться!

Уилл его поддержал:

– Какая разница, что это за город? Главное, вид из окна не даёт нам никакой реальной информации. По-прежнему непонятно: где мы и как отсюда выбраться.

Гудвин так же быстро, как вспыхнула, так и остыла, и стала осматриваться:

– Шикарный номер у этой бабульки. Может, это второй этап и здесь для нас припасён ещё один миллиончик?

Глава 6

Стэн Булк

Я и пампушечка начали поиски следующего миллиона. Кузен в образе красотки тоже стал осматривать комнаты номера. А эта дура принялась менять бельё на огромной кровати. Как-будто ей за это платят! Мозги у неё совсем набекрень скособочены от Голливуда. Поэтому я не удивился, когда наши поиски прервал её истеричный крик:

– А! Смотрите!

Я думал, что она нашла в постели миллион. Но киноманка указывала на окно. За ним, как прежде, светила луна. Ну, может, она немного выросла. И чего тут такого?

– Чего орёшь? Змея укусила? – это моя бейба снова наехала на дурнушку.

– Там за окном прошёл динозавр. Это Годзилла!

Мы подбежали к окну, но ничего такого не увидели.

– Тебе лечиться надо. Уже галлюники оседлали, – поставила точный диагноз Элиз.

Только мы снова отвлеклись на поиски, как Ева Мария вновь заорала:

– А! В окно заглянул человек в маске «Крик»! А за ним ещё два в таких же масках.

Она специально хотела нас разозлить, или у неё точно замкнуло? За окном кроме луны и светящихся в ночи небо-

скрёбов ничего не было. На всякий случай я схватил её за плечи и потряс.

– Идиотка! Какие люди? Мы на пятнадцатом этаже.

– Но они там точно были, – дико вытаращила она свои пороссячы глазки.

Минут пять, как идиоты, мы стояли и молча пялились в окно. Ничего! После этого сказали нашей киноманке всё, что о ней думаем, и вновь пошли проводить шмон. Время от времени нас отвлекал очередной вопль Фитцджеральд: «Человек-паук! Трансформеры! Чужие! Самолёт F-35 Lightning II! Инопланетяне!!! Джон Сноу!» Но мы уже не обращали на неё никакого внимания. Спустя некоторое время завопил уже мой дорогой кузен. Дорогим для нас он стал после того, как на его теле спрятали баксы.

– Нашёл!

Мы сразу возникли возле его возликовавшей физиономии. Практически моментально и впритык к нему возникли. Счастливо улыбаясь, Уилл показал нам айфон:

– Вот! Смотрите!

– Господи! Ещё один придурок, – поставила очередной диагноз разочарованная пампушечка. – Я думала, он миллион нашёл.

– Это круче миллиона! Это фантастический аппарат!!! Это iPhone XXX!!! Я думал, что его изобретут только лет через двадцать! Вот это бабуля! Где она его взяла?

Пришлось отвесить по его радостной башке мой фирмен-

ный шелбан. Он поморщился и потёр лоб:

– Ты чего?

– Ничего. Противно смотреть на твою сияющую рожу.

– Дебил! Сила есть – ума не надо. Я же для вас стараюсь.

– И что это нам даёт? – мне была совершенно непонятна его щенячья радость. – Он что, может деньги печатать? Три икса! По нему, поди, только порно можно смотреть.

– Он может всё! С его помощью мы горы свернём, получим обещанный приз и слиняем на родину – в наш реальный мир.

– Ну-ну, посмотрим.

– Чего смотреть? Я вам точно говорю! В твоём аппарате нет сети, а в этом она есть!

– Дальше что? Изобрази чего-нибудь. Что он может?

– Что может, что может? К примеру, мы сейчас подключимся к сети видеонаблюдения отеля и поглядим, где бегают эти уродцы. Хакеры в кино всегда так поступают.

В принципе, лучше бы этот аппарат показал, где от нас прячут призовые миллионы. Но и от его предложения есть хоть и маленькая, но польза.

– Ты хакер? Ты всё это знаешь?

– Не всё. Так, мелочи, – скромно улыбнулся Уилл.

– Тогда, давай!

– Так. Я разработал специальную программу, основанную на принципах комбинаторики и математического анализа, которая даёт точные варианты ответа по заданным парамет-

рам. Она у меня на «Облаке» висит. Сейчас я её закачаю сюда.

Если следить за манипуляциями его пальцев, можно потерять сознание. Голова закружится.

– Так. Готово! Сейчас посмотрим алгоритмы их паролей. Так это что? Понятно. Сейчас зайдём с другого бока. А! Это полная лабуда. Они пользуются устаревшим оборудованием и древней программой для шифровки своей сети видеонаблюдения. Фигня, сейчас взломаем. Я вас научу уважать криптоанализ, – всё время что-то бурча себе под нос, он не уставал виртуозно танцевать пальцами по кнопкам аппарата. – Так, ну всё. Исходные данные ввёл. Сейчас получим возможные коды доступа. Во! Видели? Всего лишь две тысячи вариантов. Первый не подошёл, второй тоже не тот, третий – в мусор, четвёртый....

Я не успевал запечатлеть глазами движение его пальцев – так быстро они мелькали по кнопкам клавиатуры. Вот бы мне так руки развить! Но даже при такой скорости он долго будет подбирать пароль. В это время вмешалась наша чудачковатая киноманка:

– Набери 1234567890.

– В пароле одиннадцать знаков, – улыбнулся новоявленный хакер, стараясь не обидеть Еву Марию.

– Добавь в конце решётку. Чего смотришь? Пробуй! Потом будешь лыбиться.

Маркс согласно кивнул и прошелестел пальцами по кноп-

кам. Ко всеобщему удивлению пароль подошёл.

– Как ты узнала? – недоуменно спросила пампушечка.

– Голливудские штампы, – пробормотала в ответ Ева, внимательно вглядываясь в монитор.

Программа заработала. Камеры показывали, что по коридорам гостиницы носятся толпы китайцев, афроамериканцев и каких-то типов, одетых в униформу служащих отеля. Некоторые бегали с оружием. Другие держали руку за пазухой. Ясно, что они были готовы моментально выхватить оттуда свои пушки. Их сосредоточенные противные морды не вызывали у нас никакого доверия. На нашем этаже камера запечатлела группу тех самых чернокожих братьев, которые выскочили из лифта. Они заглядывали во все номера подряд.

– Такс, сейчас хакну сеть Министерства обороны и по спутнику определю точное место нашего расположения.

– Нафига? Лучше набери 911.

В моей голове тоже могут рождаться замечательные идеи.

– Зачем?

– Вызови полицию. Пусть арестует наших преследователей. Или хотя бы выведут нас из этого серпентария.

Кузен кивнул головой и набрал вызов «Службы спасения». Из аппарата раздался голос:

– Вы позвонили в службу спасения. Ваш звонок очень важен для нас. Но в настоящий момент все операторы заняты. Оставайтесь на линии.

Я даже заржал:

– Чего ещё можно было ожидать?

Ева Мария вновь высказала своё особое мнение, основанное на просмотре миллионов фильмов:

– В кино всегда так. Они нам не помогут.

Но в трубке неожиданно раздался голос:

– 911. Что у вас случилось?

Ева Мария вырвала айфон из рук Маркса и завопила неестественно испуганным, плачущим голосом:

– Сэр, здесь кровь. Много крови. Они убили всех моих друзей. Почти всех!

– Пожалуйста, не кричите. Мы вам поможем. Рядом с вами есть взрослые?

Кузен вырвал аппарат из рук дурнушки.

– Есть.

– Сэр, назовите ваше имя.

– Маркс. Уилл Маркс.

– Скажите, что произошло?

– Нас преследуют какие-то бандиты. Они стреляют и убивают каждого, кто попадает на их пути.

– Вы можете их описать?

– Да! Это чернокожие парни, одетые как чернокожие парни и вооружённые, как чернокожие парни. В общем – за нами гонятся нигеры!

– Сэр, старайтесь быть корректным при описании. Пользуйтесь словами, за которые вас не привлекут к ответственности за расизм. Будьте толерантным.

– Но это так! Я правильно их описываю!

– Хорошо! Будем считать, что вы не понимаете, что говорите, так как находитесь в состоянии аффекта. Вы один?

– Нет! Нас четверо.

– Это ваша семья?

– Нет.

– Это чужая семья?

– Нет.

– Вы меня совсем запутали. С кем вы там находитесь?

– Со мной мои друзья.

– Хорошо. Оставайтесь на связи. Вас четверо. Вы друзья и вы находитесь в эпицентре событий. Я вас правильно поняла?

– Да.

– С чего всё началось?

– Зачем вам это знать? Просто приезжайте скорей и помогите. Нас могут убить три раза в каждую секунду!

– Не беспокойтесь, сэр. К вам уже выехал офицер.

– Куда выехал? Вы даже не спросили, где мы находимся.

– И где вы находитесь?

– В отеле.

– В каком?

– Я не знаю его названия.

– На какой улице он находится?

– Я не знаю её названия.

В это время Элайза приоткрыла дверь, выглянула в кори-

дор и сразу же захлопнула её.

– Хватит трепаться! Они идут сюда!

– Кто? – глупо переспросил я, хотя и так всё было понятно.

– Они! Маркс, вырубай эту бесполезную трепотню. Надо спастись! – зашипела вполголоса пампушечка.

Кузен вновь завопил в трубку:

– Они подходят к нашей двери. Помогите нам!

– Сэр, не волнуйтесь, помощь уже рядом. На каком этаже гостиницы и в какой комнате вы находитесь.

– На пятнадцатом. Номер 1511.

– Сэр подойдите к двери. Полицейские в настоящее время находятся в коридоре вашего отеля. Откройте дверь.

Уилл зажал айфон руками и испуганно уставился на нас:

– Откуда они узнали? Я ничего не сказал.

– Вырубай, к чёртовой матери, – вновь зашипела Лайза, – они слушают тебя. И теперь точно знают, где мы.

В дверь постучали. Из трубки донёсся голос:

– Спасибо, что позвонили в службу спасения. Ваш звонок очень важен для нас. Но в настоящий момент все операторы заняты. Оставайтесь на линии.

Уилл вырубил аппарат и, не зная куда его засунуть, запихнул в свой безразмерный лифчик.

– Что теперь делать? Нас всех убьют?

Если честно, все были испуганны не меньше его. Пожалуй, только я сумел сохранить самообладание.

В дверь продолжали стучать всё сильнее и сильнее. Ещё минута и её начнут ломать.

– Срань господня! Надо было звонить отцу, а не в службу спасения! – я не знал, что нам делать дальше.

– Угу. Поднимем родителей с постели посреди ночи. И чем они нам помогут? – парировал тщедушный геймер.

– И что, по-твоему, надо делать?

– Надо как-то выбираться, – пробормотал кузен.

– Здравая мысль, – съехидничала моя подруга. – Вот только как? Снова через вентиляцию?

Уилл зажал руками свои фальшивые буфера:

– Нет. Даже если здесь короб окажется большим, моя грудь всё равно застрянет.

Вот интересно, стоит только человеку напялить на себя женское платье, как он тут же начинает беспокоиться о своей груди.

– Надо смываться через окно.

Ева Мария, как всегда, была неподражаема в своей глупости.

– Как? – я попытался её образумить. – Прыгнем с пятнадцатого этажа в бассейн? Но мы не знаем, есть он там внизу или нет.

– Нет. Мы пройдем по карнизу за угол и спрячемся в другом номере. Так всегда поступают герои, которых преследуют в небоскрёбах.

Двери начали ломать. И было уже не до выяснения отно-

шений. Все бросились к окну. Открыв его, мы вылезли на карниз.

– Он такой же широкий, как в фильме «На грани», – прошептала нас своими знаниями «светоч Голливуда».

Я помнил этот фильм. Но в отличие от его героя наши ноги опирались на высокие и очень неудобные каблуки. По крайней мере, для меня и моего кузена они были настоящими орудиями пыток и испытаний. Девчонки, естественно, побледнели и повизгивали в такт каждому своему шагу. А мы упорно и героически ковыляли вперёд, показывая своим примером, что страх можно побороть. Неожиданно у Уилла подвернулся каблук, нога поехала, он вскрикнул и полетел вниз. Готов был полететь. Я успел схватить его за руку и подтянуть назад к приятной для прикосновения стенке. Никогда не думал, что буду говорить о том, что к стене можно прижаться с удовольствием. Но когда ты находишься в паре дюймов от грани, ведущей к последнему в жизни полёту, шершавая холодная стена начинает казаться мягкой перинной, пахнущей любимой женщиной. Чтобы самому не упасть я успел ухватиться за торчащий из стены крюк. Для чего он был предназначен – я так и не понял. То ли при помощи него натягивали баннеры и вешали флаги. То ли он когда-то удерживал растяжку для уличного освещения. Но под мою руку он попал вовремя. Сердце билось в бешеном ритме, в висках пульсировала кровь, прокачиваемая через них гекалитрами. Я выдохнул воздух и скомандовал Марксу:

– К чёрту проклятые туфли!

И тут же показал наглядный пример, скинув их в тёмную бездну. Через несколько секунд они шлёпнулись. Сначала я думал, что на асфальт, но снизу раздались стоны и ругань. Последний полёт насильников моих ног. Вау! Это кайф! Это чудовой кайф снять туфли на высоком каблуке. Вслед за моими лабутенами вниз полетели туфли Уилла, а затем и девченок. Мы хотели добраться до угла, чтобы спрятаться за ним от преследователей. Но в самом конце прямолинейного пути по карнизу нам попало открытое окно. И мы, недолго думая, забрались в него. Это был какой-то президентский люкс.

– Закрываем окно и задёргиваем шторы, чтобы никто следом не залез, – шёпотом скомандовала моя бейба.

Так и сделали. Мы оказались в огромном холле, не обременённом избытком мебели. Одна из дверей этого чудового помещения вела в спальню. По крайней мере, оттуда доносились достаточно громкие и сексуальные, как мне показалось, стоны. Я ухмыльнулся. Но оказалось – зря. Вслед за стонами раздался чей-то противный мужской голос:

– Ублюдок! Ты скажешь, где прячешь деньги? Нет? Тогда я убью твою потаскушку. А тебя разрежу на куски и в двадцати посылках перешлю твоим домочадцам. Пусть твои детки полюбуются, каким красивым стал их папа. Говори, тварь!

Дрожащий от волнения голос ответил:

– У меня с собой лишь сто тысяч долларов. Я приехал

сюда всего на одну ночь.

– Не поверю, что ты, с твоими сумасшедшими миллионами, так мало берёшь, чтобы развлечься в казино. Говори анальный говнюк: где деньги?

– Я правду сказал. Я никогда не беру больше, чтобы не расстраиваться. Всё равно всегда проигрываю.

– Ты меня достал. Ладно. Парни, тащите их в подземелье. Куда он от нас денется? Он всё отдаст.

Раздались звуки ударов по человеческому телу и стоны принимающего экзекуции мужчины.

– Одевайтесь! Мы совершим увлекательное путешествие в подвал этого великолепного отеля.

Наша героическая четвёрка оказались в западне. За окном нас ждала банда «чёрных братьев». Здесь – опасная неизвестность. Элайза не потеряла самообладание и поманила нас пальчиком, предлагая спрятаться за большим угловым диваном. Когда мы туда перебрались, я понял, что вместе с нами за этим диваном вполне мог бы устроить засаду кавалерийский дивизион. Не высовываясь из-за мягкой мебели, мы слышали топот и хлопанье дверей: сначала спальни, а затем входной. Только мне показалось, что все ушли, как вновь скрипнула дверь, и раздался голос того, кто угрожал:

– Майкл, кто у нас ещё на этом этаже?

– Так, шушера. Беднота, у которой за душой нет и миллиона. Такие с собой берут всякую мелочь. Тысяч пятьдесят, не больше.

– Эти и так их спустят в нашем казино. Есть ещё интересные акулы Уолл-стрита?

– Да. Этажом ниже в номере 1403 поселился мультимиллионер из Далласа с любовницей.

– Надо же, ну все по казино исключительно с любовницами разъезжают. А дома, поди, говорят, что по делам поехали. Чего там у него?

– Мы пробрили. Обычно он спускает до трёхсот тысяч долларов. Значит, наверняка у него с собой приличная сумма наличных.

– Наличные никому никогда не помешают.

– Босс, эта девка, которую сейчас в подвал утащили, успела позвонить 911.

Собеседник усмехнулся в ответ:

– Они все звонят в «Службу спасения» и всем мы приходим на помощь. А что, связь наладилась?

– Да. Говорят, что сотовые компании полностью справились с хакерской атакой. Сейчас всё нормально работает, без зависаний.

Было слышно, как входная дверь открылась, и к разговору присоединился ещё один голос:

– Ирвин, в этом номере больше никого нет?

– Что за вопрос?

– Молодняк, прихвативший кейс, сбежал от нас по карнизу. Будто на крыльях улетели. Не можем теперь нигде их найти.

В этот момент я так затих, что слышал не только стук собственного сердца, но и все химические реакции, происходящие в родном организме.

– Нет. В этом номере их точно нет.

– Плохо. Босс психует. Будем искать.

Было слышно, как они вышли, и входная дверь вновь хлопнулась. Я осторожно выглянул из-за укрытия. Чёрт! Из спальни вышел ещё один гангстер, который на ходу перезаряжал свой пистолет. Он резко остановился. Я моментально прильнул к полу. Бандит спросил:

– Кто здесь?

Ага, так мы тебе и сказали. Я лежал лицом на паркете и прекрасно видел его красные туфли с металлическими клёпками и пряжками. Туфли двинулись в нашу сторону. Мне показалось, что моё тело забилося в пространство между полом и тонким слоем пыли. Зачем только я нарастил такие здоровые бицепсы? Хорошо кузену. Нырк под плинтус – только его и видели. Бандит подошёл вплотную к дивану. Всё! Это конец! Ещё секунда и я не выдержу! Вскочу и сдамся этому уроду. Будь, что будет. Напряжение нарастало. Но бандит неожиданно плюхнулся на диван и положил руку на спинку. Нам хорошо были видны его перстни, кольца, печатки и грязные обглоданные ногти. Такая диспозиция продолжалась вечность. Наконец, пампушечка не выдержала и показала мне глазами сначала на бандита, а затем руками схватилась за своё горло и немного помяла его пальцами. Я понял,

что она предлагает задушить гангстера. Это было не трудно сделать. Я прямо сейчас, не вставая с пола, мог дотянуться до его шеи. Но где мы спрячем труп? И я отрицательно помотал головой. Бейба вытаращила на меня глаза и артикуляцией высказала обо мне самое нелицеприятное мнение из всех тех, которые я слышал за свою жизнь. Не знаю, чем бы закончился наш диалог, но в это время дверь номера распахнулась, и кто-то зло сказал:

– Чего расселся? Ещё раз попробуешь сачкануть – пеняй на себя. Больше предупреждать не буду.

«Наш» бандит, словно ошпаренный вскочил с дивана и бросился вон. Дверь снова захлопнулась. В номере наступила тягучая тишина. Наконец, Уилл робко спросил:

– Что теперь будем делать?

Я пожал в ответ плечами, что означало – понятия не имею. Но потом вспомнил, кто здесь является настоящим ковбоем, и пошутил над братцем:

– Что делать будем? Будем подтирать за тобой мокрый пол!

– Идиот, – буркнул в ответ дохляк.

Элайза предложила:

– Может, посидим здесь, пока всё успокоится?

– Не лучший вариант, – вмешалась в разговор Ева Мария. – Нам надо двигаться по этапам.

– Где они эти «этапы»?

Меня почему-то продолжали бесить все высказывания

этой выскочки.

Но она не отреагировала на мои слова и обратилась к гей-меру:

– Уилл, посмотри, где там наши преследователи.

Кузен кивнул в знак согласия и уткнулся в айфон.

– На нашем этаже их нет. А вот по другим они бегают.

– Слушай! – не унималась киноманка. – Ты можешь посмотреть, что у них в подвале?

– Попробую...

– Интересно, что они с ними сделают?

Я язвительно хмыкнул:

– Что сделают? Устроят торжественную встречу с шампанским и огромным тортом. Пригласят оркестр и организуют праздничный салют, – выплеснув весь накопившийся негатив, я тут же добавил: – А затем всё равно убьют.

– Если они всех убивают, то на них обязательно когда-нибудь выйдет полиция, – вновь сумничала Ева Мария.

– Чего она «выйдет»? У них явно всё схвачено. Слышала – все звонят в «Службу спасения», а приходят эти бандиты. Так они и нас вычислили.

– Нет, но люди пропадают. В наше время не трудно проследить, куда они отправились.

– Как? Ты слышала они сюда все с любовницами приезжают. Значит, менжуются – скрывают место, куда поехали.

– Ты не прав, – не отрываясь от девайса, подключился к разговору наш дистрофан, – в современном мире пропавше-

го человека легко найти. Тем более их здесь, как ты считаешь, тысячи пропадают. Можно проследить пользование соевым, банковскими картами, по камерам наружного наблюдения, по авиационным билетам.

– Да и трупы куда-то девать нужно, – солидаризовалась с ним наша голливудская всезнайка.

– Трупы можно в кислоте растворять. А полиция у них куплена. Вот точно говорю!

В это время Лиз успела прогуляться в спальню и вернуться оттуда с конвертом в руках. Она вытащила из него приглашение и прочитала вслух:

– Мы приглашаем вас посетить наше «Казино-палас». Для принявших предложение – скидка на проживание 50%. Питание и напитки в отеле и в казино – бесплатно. Может, мы в казино отсюда свалим?

– Детка, ты что? Нас же там сразу срисуют. Не забывайте, что за нами гонится целая банда. Наверняка они все заодно с хозяевами отеля и казино. К тому же, куда мы пойдём босиком?

– Мы замаскируемся. Там в спальне есть парик, одежда и обувь.

Её поддержала Ева Мария:

– Я считаю, что нам надо искать следующие этапы аттракциона. Не сомневаюсь, что следующий миллион мы сможем заработать именно там.

– «Не сомневаюсь», «не сомневаюсь» ... – противным

клоунским голосом передразнил я подругу тощего кузена. – Не сомневаюсь, что его нам никто не даст выиграть. Вы глупые? Здесь людей убивают. Они тоже хотели пойти и выиграть. Лиз зачитала вам приглашение. А куда увели тех, кому оно было адресовано? Их уже, скорее всего, прихлопнули и обнулили им не только жизнь, но и банковский счёт.

– Хорошо, – снова полезла в контры зря взятая мной в путешествие пассажирка, – ты что предлагаешь? Сидеть здесь и ждать, когда за нами придут и тоже спустят в подвал?

В это время подал голос кузен:

– Подключился к видеоархиву! Смотрите!

Он отвёл руку с айфоном в сторону. Мы сгрудились перед экраном. На нём пестрело множество маленьких картинок с видеофайлами, записанными различными камерами. Уилл поочерёдно открывал их для увеличенного просмотра. На большинстве записей не было ничего интересного. Только пустые коридоры и двери. Но камера, установленная в лифте, запечатлела как раз тот момент, когда четыре человека в униформе служащих отеля ввели в кабинку седовласого мужчину и стройную молодую женщину. Один из сопровождающих набрал код на дисплее, расположенном под кнопками этажей. Вверху вспыхнула красная лампочка и лифт поехал вниз. Далее, другая камера, направленная на двери лифта, записала выход всей группы из кабинки.

– Куда их повели? – спросил я.

– Их повели туда, где нет камер. Поэтому это останется

для нас тайной. Зато теперь мы имеем видео с шифром секретного кода. Сейчас посмотрим внимательно ещё раз. О, господи! Какая ахинея! Соперники кто? Это даже не сеть департамента Здравоохранения. Здесь всё на первобытном уровне.

– Чего ты? Что случилось? – поинтересовалась Лиз.

– Вы будете смеяться, но они вновь набрали 1, 2, 3, 4..., решётка.

– Ну, и ладно. Нам от этого хуже?

– Нет. Но мне противно иметь дело с такими дилетантами.

– Эти дилетанты сейчас в подвале убивают пару, в номере которой мы находимся, – пробормотала Ева Мария. – Давайте уже отсюда сматываться. Мне не по себе.

– Всё! Или мы идём в казино. Или нас поведут в подвал, – уверенно высказала своё мнение моя бейба. – Другие варианты есть?

Других вариантов не было.

Часть вторая

Из переписки с форума «Киноманы»:

Sfrend: Нет, это не детектив. Я голосую за фэнтези.

Ugly: Фэнтези? Нет, это не фэнтези, скорее, обычный боевик.

Sfrend: Согласен, или авантюрный экшен.

Глава 1

Элайза Гудвин

Других вариантов не было, но меня никто не поддержал. Только наш компьютерный гений почесал затылок и выдал:

– Я тоже за то, чтобы двинуться в казино. Я посмотрел. Оно находится на цокольном этаже. Вполне приличное. Много народа. Мы там запросто затеряемся.

– Играть будем? – поинтересовалась киноманка.

– Неплохо было бы сыграть, чтобы проверить эффективность моей программы. Я её три года специально для этого разрабатывал. Всегда мечтал выиграть миллион.

– Твоя программа не смогла даже пароль подобрать к сети отеля, – усомнился мой красавчик.

– Это потому, что вводных было мало.

– А здесь какие вводные?

– Здесь у нас огромная фора. Рулетка на камерах, как на ладони. Нам отлично видно, какие номера выпадают. Если я полчаса буду последовательно вводить все выпавшие цифры, то вероятность выигрыша, просчитанного программой числа, резко возрастёт.

– Как твоя программа работает? – мой парень не дурак, он знает, что спрашивать.

– Я основательно проанализировал локальную теорему Муавра-Лапласа, систему Мартингейла, а также расчёты

Торпа, Пакарда, Фармера, Басса и других учёных, обращающихся к этой теме. Думаю, мне удалось добраться до сути, взяв у предшественников всё самое лучшее. Осталось только подтвердить свои выкладки эмпирическим путём.

Зря, наверное, Стэн его спрашивал. Я ничего не поняла. И мой атлет тоже. После этих слов тщедушная фигура Уилла моментально выросла в моих глазах. Значительно выросла. Но мой красавчик не унимался:

– Но почему ты говоришь о рулетке? Можно в блэк-джек сыграть, в покер или в баккару.

– Я специально для рулетки программу разрабатывал. Она не универсальна. В каждой игре свои тонкости.

Пришлось поддержать не красавчика, а нашего худосочного гения:

– Я вот вообще ни во что играть не умею. Но рулетка мне кажется самой понятной и простой игрой.

– Да! Ты права. Играть в рулетку может совсем неопытный игрок. А вот, к примеру, для игры в баккару нужны опыт и навыки. Поэтому я начал разрабатывать программу для самого простого. Потом, если опыт будет положительным, замахнусь и на другие игры.

– И как ты, братик, думаешь перехитрить казино?

– Надо всё обдумать. К примеру, я сяду в баре и буду пить коктейль, следя за камерами и одновременно давая прогнозы по ставкам.

– А прямо за столом нельзя девайсами пользоваться? –

наивно поинтересовалась Ева Мария.

– Дура что ли? – Стэн почему-то недолюбливал девушек и был плохого мнения о её умственных способностях. – Нет, конечно. Тебя сразу выкинут из-за стола. Ничем нельзя пользоваться. Возможно, что там и сети нет. Глушат.

– Да, ты прав. Слушайте дальше, что я придумал. Я буду давать прогноз на пять наиболее вероятных цифр. Но это произойдёт не сразу. Впрочем, если вы придёте и сразу сыграете, то это будет весьма подозрительно. Поэтому, для начала вам надо адаптироваться. Потусоваться для начала часок другой. Всем за один стол садиться тоже нельзя. Вообще нельзя даже намекать, что мы друг друга знаем. Хотя, нет – девчонок можно сразу посадить. И пускай показывают всем, что они подружки. Не знаю – пусть шутят, смеются хотя бы. В общем, ведут себя непринуждённо. Это снимет любые подозрения. А Стэн тогда в это время будет шляться по залу и следить за игрой. Не только за рулеткой, но и за другими столами. Изображай из себя новичка, который впервые попал в казино.

– Я категорически против! – мне не понравилась идея изображать из себя подружку неприятной мне Евы. – Я Стэна знаю, как себя. Нам не надо изображать из себя пару. Мы и так ей являемся. И понимаем друг друга с полуслова.

– Хорошо, хорошо. Тогда вы вдвоём сядете, а Ева одна. Но всё остальное будет так, как я говорил. Девчонки, пока я не передам вам через Стэна прогноз, делайте маленькие

ставки по своему усмотрению. Но обязательно ставьте «на число». В основном – «на число».

– Зачем? – не поняла я. – И какие там ещё ставки можно делать?

Уилл улыбнулся и объяснил:

– В рулетке может выиграть не только число, но и цвет, комбинация или чёт/нечет. Надо, чтобы вы обязательно делали ставки «на число». Это самый большой куш, который можно срубить в этой игре. Стол делится на несколько секторов. Внешние сектора имеют самый маленький коэффициент выигрыша. В основном один к одному. Например, если вы поставите на чёрное, то при попадании шарика на этот цвет выигрыш будет равен вашей ставке. Но если вы поставите внутри стола «на число», то выигрыш будет в 35 раз выше вашей ставки. В рулетке нет ничего трудного. Подойдёте, посмотрите и разберётесь. Так вот, я думаю, неразумно брать с собой на игру весь наш миллион. Возьмите по пятьдесят тысяч. Поначалу играйте малыми ставками, потратив при этом не более десяти тысяч баксов. Играйте так, как вам заблагорассудится. Главное показывайте всем, что это для вас ничего не стоит, и вы просто получаете удовольствие. Попейте шампанское, пошутите, пообщайтесь с соседями по столу. Короче, ведите себя так, как будто вы дети богатеньких родителей.

– И что это даст? – не поняла Ева Мария.

– Я буду сидеть и вводить выигрышные цифры, на которые

выпал шарик, в свою программу. Чтобы вероятность была наивысшей, буду делать это долго. Затем назову Стэну пять вероятных чисел, и он придёт к вам и сделает свои ставки. Так-так-так, надо подумать. Да! Стэн придёт и поставит на эти пять чисел маленькие ставки. Данные цифры и будут для вас ориентиром. На них вы и сделаете ставки. Вероятность, что выбранные моей программой цифры, сыграют в ближайшие три игры, очень высока. Только не привлекайте внимание, что вы поставили на эти цифры из-за Стэна. На этот раз неплохо бы сделать и отвлекающие ставки на внешних секторах: на колонках, дюжинах, больше-меньше и так далее. Ты, Стэн, тоже сделай ставки по внешней стороне стола. Они будут попутными. Поняли девушки?

Я пожала плечами. В голове образовался некоторый сумбур. Мне не хватало конкретики. Всё-таки лучше, когда объясняют наглядно. А так, на пальцах – тёмный лес.

Уилл нашёл губную помаду хозяйки номера и салфетку. Нарисовал игровой стол и ещё раз объяснил наши задачи. После этого все стали собираться. Но выявилась новая проблема – одежда. Хозяйка номера была худой. Её наряды подошли только Еве. Она надела красивое красное платье с немного шокирующим декольте. Подошли ей и туфли. Я сроду не имела обуви на высоком каблуке и всегда относилась к ней равнодушно. Но туфли Евы были изящными, блестящими, они изумительно красиво сидели на её ноге. Мне тоже захотелось такие. Удивительно, но грабители не забрали укра-

шения, которые лежали в косметичке на туалетном столике. Ева Мария не отказала себе в удовольствии нацепить чужое богатство на свою шею. Нам же пришлось довольствоваться одеждой, в которой мы приехали в Лос-Анджелес. Она лежала в моём рюкзаке и в кейсе, который опустел после того, как баксы гангстеров переключались под платье Уилла. Одежда была обыденной, повседневной. Маркс со вздохом посмотрел на нас и показал дресс-код, который преобладал на посетителях казино. Судя по картинке с камер наблюдения, народ в целом был одет гораздо импозантней нас. Стало понятно, что мы будем привлекать внимание убогостью своих нарядов. Тогда находчивый геймер отыскал на камерах слежения место, куда одежда постояльцев мигрирует после сдачи в чистку. Мы без приключений спустились на лифте и открыли дверь гладильной при помощи хорошо знакомого шифра. Смешно, но сотрудники отеля везде им пользовались. Из этой комнаты мы вышли одетыми в бренды, которые могут себе позволить очень состоятельные гости самого шикарного отеля. Красавчик натянул на себя классный смокинг с атласными отворотами и стал выглядеть, как супер-красавчик. Я надела красное платье до колен и чёрные туфли на огромной платформе, а Маркс жёлтое платье с закрытым воротом и красные туфли. Зачем он снова напялил платье? Просто платье горничной отлично скрывало наличие на его теле. Поэтому мы уговорили геймера не менять имидж, а просто сменить наряд на уместный для похода в

казино. Свои личные вещи нам пришлось спрятать в вентиляционном коробе. Рюкзаки в вентиляцию точно помещаются! А вот кейс с наркотой туда не влез. Не оставлять же улики на виду у всех? Стэн был единственным «мужчиной» в нашем квартете – он и прихватил его с собой. Перед тем как двинуться к лифту, Маркс вновь нас напутствовал:

– Запомните ещё раз! Казино напичкано камерами. Пейте тоник, шампанское, ведите себя как все. Прикидывайтесь выпившими. И при любом раскладе – вы не знакомы друг с другом. Запомните чётко – вы не знакомы друг с другом. И какой наш девиз?

На его вопрос ответила только Ева Мария:

– Не засветиться, как счётчик! – посмотрев на наши с малышом непонятливые лица, она улыбнулась и пояснила: – Это фраза из фильма «21».

Наш квартет вновь вернулся в номер, хозяев которого увели в подвал, и продолжил подготовку к вечеру. После долгого общего обсуждения было решено, что в любом случае мы не должны использовать более 100 тысяч долларов. Двадцать пять тысяч выдали киноманке, остальные мне и Стэну. Я не очень верила в затею ободрать казино. Можно ли просадить на рулетке 1 миллион баксов? В нашем случае 925000 долларов. Больше у нас нет. Можно? Легко. Даже всего за один вечер. Да что там вечер? За час, за пять минут. А выиграть? Вполне! Но кто тебе позволит? Чтобы доказать, что успех возможен, очкарик качнул с инета информацию о са-

мых больших выигрышах при игре в рулетку. Среди счастливиц не было простых людей: всё сплошь миллиардеры, как Керри Паркер, политики, как Павел Пискорский или мошенники, как Чарльз Уэллс. Это меня сразу навело на нехорошие подозрения. Можно ли при таких странных совпадениях верить в случайную удачу? И не говорите мне обычное и примитивное, что деньги липнут к деньгам. Я верю – простой человек может выиграть. Не верю только в то, что ему позволят с этим выигрышем спокойно покинуть стены казино. Речь идёт, естественно, об очень большом выигрыше, а не о мелочи. Мои сомнения были выслушаны, но соблазн победил. У всех глаза горели от алчности. Мне тоже пришлось присоединиться к процессу подготовки. Будь, что будет. Тем не менее, моё нытьё подействовало. Мы договорились, что, если нам повезёт или программа очкарика и на самом деле станет показывать счастливые номера, наш общий выигрыш не должен превышать ста тысяч долларов. Если каждый из нас выиграет по тридцатке тысяч баксов – это не вызовет особых подозрений и нам позволят уйти. В противном случае могут возникнуть никому не нужные проблемы. К тому же, если окажется, что программа реально работает, мы сможем и в будущем снимать пенку в Лас-Вегасе и в других центрах развлечений.

– Эй, секс-бомба! Деньги давай! – Стэн шлёпнул брата по заднице.

– Чтоб вас всех разорвало! – улыбнулся в ответ Уилл и

погладил руками свою бутафорскую грудь, прикрытую красивым нарядом. – Такую картину хотите испортить. Когда я ещё буду ловить на себе влажные взгляды парней?

Он полез в лифчик за деньгами. Стэн со смехом подкрался сзади и ухватился за фальшивые буфера «секс-бомбы».

– Вот это грудь! Вот это номер!

Я даже обиделась:

– Моя грудь, чем хуже?

– У тебя удивительная грудь.

– Он хотел сказать: у тебя удивительно маленькая грудь, – съязвил Уилл.

Оказывается, он умеет шутить. Я думала, что он только бубнить себе под нос может. Пришлось замахнуться на него кулаком.

– Я хотел сказать, что твоя грудь гораздо меньше моей. Но с такими буферами, как у меня, ходят только надутые силиконом куклы, – парировал в оправдание геймер. – Ужас! Как они их таскают?

Он бросил деньги на стол и стал поправлять нарушенную форму груди.

Договорившись об условных сигналах, мы двинулись в казино. Я и Стэн представляли пару, а Ева Мария вошла в игровой зал самостоятельно и одиноко. Мы долго шлялись между игровыми зонами с бокалами в руках, наблюдая за игрой других. Было весело, занимательно и как-то необычайно волнительно. Руки прям чесались сесть за стол и сделать

первую ставку. Еве первой наскучило хождение по казино, и она уселась за стол рулетки. Минут через пять наша пара тоже нашла свободные места, но уже за другим столом. Начали мы с минимальных ставок, постепенно поднимая их в номинале. Игра шла с переменным успехом. Но наши выигрыши в основном выпадали по ставкам на внешних секторах поля. Они, естественно, были с минимальным коэффициентом. Поэтому столбики наших фишек непрерывно таяли. Да, случались и удачи. Два раза наша ставка сыграла на «дюжинах», один раз на «колонах». Но ставили мы в этот момент по пятьсот долларов. Поэтому выигрыш трёх тысяч баксов не исправил общий баланс нашей игры. Мы проигрывали. Раз в полчаса Стэн уходил «погулять». Увидев его, Уилл постоянно чесал затылок. Это был знак – «пока рано». Во время пятой прогулки, худосочный кузен снял очки и протёр их салфеткой. Этот условный сигнал означал «всё готово». Они встретились в туалете, где Уилл назвал пять цифр. Возвращаясь к нашему столу, красавчик-Стэн прошёл мимо Евы и почесал на ходу нос. Почёсывание явилось сигналом для киноманки пересаживаться за наш стол. Свободные места отсутствовали, и она встала за спиной какого-то богатого борова, бессистемно делавшего многочисленные ставки по всему столу. Как мы и договаривались, вернувшись, Стэн сделал пять ставок по три тысячи баксов на одиночные номера, названные его кузеном, и три ставки по двести долларов на внешних секторах – для отвода глаз. Ева Мария в этой иг-

ре не должна была делать никаких ставок. Удивительно, но моё сердце затрепетало в груди, словно дикая птица, которую только что засунули в клетку. Я посмотрела на своего красавчика. Его гордый профиль не исказили никакие эмоции. Мало того, поймав мой взгляд, он улыбнулся, поцеловал меня нежно в щёку и положил свою руку на моё бедро. Нет! Вы понимаете, за что я его люблю? Я буквально растаяла в волне ответных чувств. Дилер объявил окончание приёма ставок. Шарик крутился как бешеный, пытаюсь вырваться из вращающегося в другом направлении колеса. Но в конце концов остановился. Уилл назвал пять возможных цифр: 3, 14, 27, 22, 32. Шарик остановился на цифре 17. Нашему разочарованию не было предела. Мысленно я назвала геймера «очкастым недоумком». Стэн завёлся и не хотел уходить. А меня задушила жаба. У нас оставалась примерно третья часть от семидесяти пяти тысяч, выданных нашей паре на игру. Я постаралась спасти хотя бы их и больно ущипнула Стэна за бок. Тот аж подпрыгнул.

– Счастливчик, проводи меня до туалета. Что-то мне плохо.

Он нехотя исполнил мою просьбу. Отойдя от стола, я ему сказала:

– Это насос, который надо остановить. Иначе мы просадим здесь кучу бабла и будем об этом сокрушаться и сожалеть всю оставшуюся жизнь.

Он молчал. Я больно ткнула его в живот.

– Ты меня понял?

В ответ он скорчил рожу – значит, понял.

– Помнишь, я рассказывала тебе о моём дяде Джоне, который спустил в казино всё, что сумел накопить за долгие годы. Буквально за три часа спустил. Это произошло один раз в его жизни. Но всё последующее время он прожил тихим несчастным человеком. Его дети были самыми бедными в классе. Жена дяди Джона ежедневно попрекала его проигрышем. Он стал неудачником. Нет ничего страшнее в жизни, чем слыть неудачником. Ты хочешь быть неудачником?

– Нет, – пробормотал красавчик.

– Ты, lucky! А почему? Потому что встретил меня. Незачем теперь искать удачу на стороне. Это сродни измене.

Оставив его в игровом зале, я ушла в туалет. Когда вернулась, то не увидела моего атлета в оставленном месте. Он слинял, не предупредив меня. Вот ведь, скотина! Я двинулась на поиски. Странно, но все вокруг были крайне возбуждены и говорливы. Уродливые во всю голову улыбки толпы выражали крайнюю степень счастливого волнения. Увидев мой озадаченный вид, один плешивый дядечка весело кивнул головой в сторону игрового стола. Сбежавшиеся со всех сторон зеваки дружно хлопали, поздравляя Еву с выигрышем. О господи! Я сразу и не заметила нашу подельницу из-за гигантской пирамиды фишек, взгромоздившихся перед ней Эверестом.

– Она выиграла? – машинально спросила я у дядечки.

– Да! Три раза подряд!

– Сколько?

– Больше миллиона!

Сначала я обрадовалась и даже непроизвольно взвизгнула. Но потом испугалась. Я по-прежнему не верила, что счастливчику, срубившему джек-пот, дадут его спокойно вынести из казино. Тем более из этого казино! Особенно из этого! Почему? Да потому, что это не простое казино. Если помните: весь отель был напичкан различными группировками национальных банд. Гангстеры, латинос, афроамериканцы и китайцы – все охотились за нами. И это не случайность. Кто вывел из номера несчастную пару? Их вывели, и, возможно, уже убили, работники этого отеля. Они тоже банда! Нам не выбраться с мешком наших баксов из этого логова, из этого гнезда, из этой клоаки международного бандитизма. Возбуждённый дядечка не унимался:

– Сначала она поставила 5 тысяч на тройку. Удивительно, но шарик застрял именно на этой цифре! Выигрыш составил 175 тысяч! Затем она поставила десять тысяч долларов на «22». Джек-пот 350 тысяч! Итого: 525 тысяч.

В это время рядом со мной неожиданно нарисовалась карикатурная фигура Маркса. Аккуратно поправив бутафорскую грудь, он оттащил меня чуть в сторону и горячо зашептал прямо в ухо:

– Оставалось три цифры, которые я назвал: 14, 27, 32. Мы договорились, что больше ста тысяч не выигрываем. Но к

этому времени с учётом вашего проигрыша, Ева ободрала контору почти на пол ляма. Надо было уходить. Смотрю, Ева Мария привсталала, но тут же села на место и сделала ставку. Она поставила 20 тысяч! Но на что? На «17»!!! Эта цифра сыграла два кона назад! Я чуть не подпрыгнул до потолка и не рванул из бара, чтобы сказать, что она ошиблась. Надо было ставить на «27» или на «14»! Но, о чудо! Ставка сыграла. Семьсот тысяч баксов!!! А всего: один миллион двести тысяч! Представляешь?

– Даже не представляю, что сейчас будет, – попыталась я урезонить его собачью радость.

– Нет! Всё будет нормально!!! Мы прошли второй уровень и заработали второй миллион!

Но, словно, в подтверждение моих нехороших предчувствий, к Еве, окружённой всеобщей завистью и ложным ликованием, подошёл пит-босс. Он расплылся в дежурной улыбке и вежливо обратился к сияющей от счастья киноманке:

– Поздравляю вас с выигрышем. Дирекция казино рада предложить вам три бесплатных бонуса: президентский люкс, меню в ресторане на десять персон и полное удовлетворение всех ваших пожеланий в ближайшие трое суток.

С чего такая щедрость к человеку, ободравшему как липку это заведение? Я сразу смекнула. Золотое правило казино гласит: пусть играют как можно дольше. Пусть возвращаются и снова играют! Чем дольше игра, тем больше проигрыш.

В итоге – казино вернёт всё своё, да ещё с наваром. Это замануха с тройной халявой мне сразу не понравилась. Но красотка-Маркс, виляющий задом от радости, аж захлебнулся в собственных слюнях:

– Отпад! Вот оторвёмся!

Пришлось ткнуть его локтем в живот, словно он являлся моим парнем. А куда, кстати, мой малыш запропастился? Я вновь обвела взглядом толпу. Красавчика нигде не было. Ну попадись ты мне! Уилл в роли красотки с трудом отдышался после моего удара и на время затих. В это время Ева Мария ответила на заманчивое предложение пит-босса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.